

XIV $\frac{34}{15}$

4907

Nº.9

№ 9 нет. 76кл. после стр 48.

23/xii-84 comp bee + 1 bee sh.

53а (с одобренной) 7/2 - 81 (Е. В. Ш.)

53а — — — 16/1 84 - 18 18

53а - 15/3 - 85 10 18

53а - 14/8 - 85 10/2

53а - 28/2 - 86 10/2

53а - 28/5 - 86 10/2

53а, включая оба утверждения после стр. 52. 16/1-91 К. 18

53а — — — — — 18/6-82

2015595128

XIV $\frac{34}{15}$

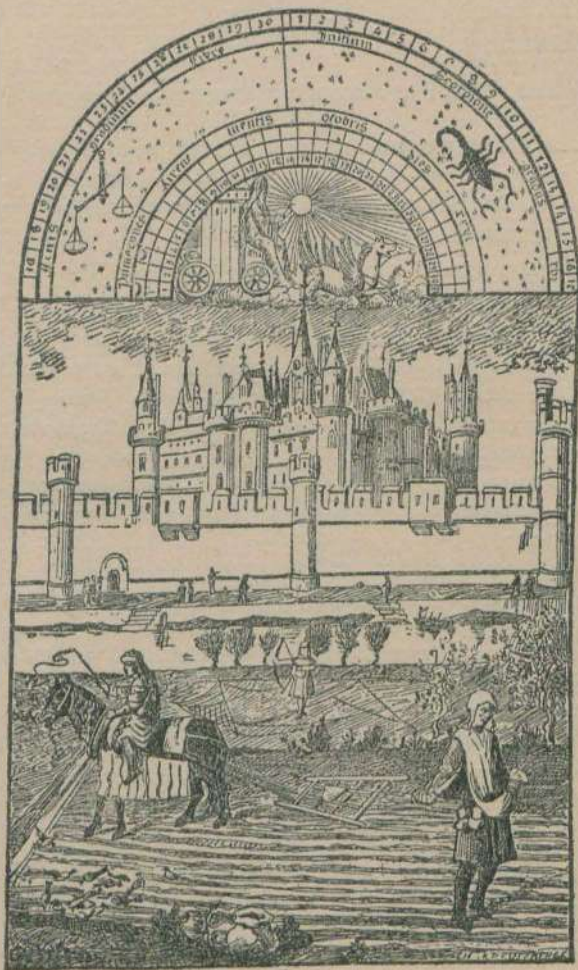
1907
M9

ВѢСЫ ◉ СЕНТЯБРЬ ◉ 1907

La Balance. Septembre. 1907

Годъ изданія четвертый. Quatrième année.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»

Москва, Театральная пл., л. Метрополь, кв. 23
Moscou, Place de Théâtre, m. Métropole, 23

XIV 34
15

Вкл. 2

Op 2-87
5164

«ВЪСЫ» ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Годъ изданія четвертый. 1907. N 9, сентябрь.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, повѣсти, статьи по общимъ вопросамъ.

К. Бальмонтъ. Радѣнья бѣлыхъ голубей. 21 стихотвореніе.	7
Валерій Брюсовъ. Огненный Ангель. Повѣсть XVI в. Глава VII.	25
Максъ Мелль. Разсказъ монастырскаго пастуха. Новелла.	43
Эллисъ. Объ афоризмахъ.	50

Литература. Русская литература.

В. Бакулинъ. Торжество побѣдителей.	53
И. Бороздинъ. Русская историческая литература.	58
Библиографія. (А. Купринъ. Разказы, т. I и III.—С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій.—Петръ Пильскій. Разказы.—А. Радищевъ. Собраніе сочиненій, Ред. С. Тройницкаго.—Письма темныхъ людей. Перев. Н. Куна.—О. Уайльдъ. Флорентинская трагедія, Пер. А. Курсинскаго и М. Ликиардопуло).	64
Письма въ редакцію (Антоня Крайняго, Вячеслава Иванова и С. Соловьева).	74
Поправки.	76

Нѣмецкая литература.

Александръ Эліасбергъ. Современные нѣмецкіе поэты. 2 статьи (Максъ Мелль. — Христіанъ Моргенштернъ.)	77
В. Гофманъ. Русская лирика въ Германіи. (О книгѣ А. Eliasberg. Russische Lyrick der Gegenwart).	85
Библиографія (Stefan Zweig. Die frühen Kränze. — Karl Henckel. Schwingungen.—Julius Bab. Wege zum Drama.—Gustav Kühl. Richard Dehmel.—Das Lustwäldchen. Herausg. v. Franz Blei.)	89
Изъ журналовъ. (О Рильке изъ «Litterarisches Echo».—О Верхарнъ изъ «Neue Rundschau»)	96

Рисунки.

К. Сомовъ. Фронтиспись къ книгѣ «Goethe's Tagebuch». Передъ стр. 33	
Его-же. Фронтиспись къ книгѣ К. Бальмонта «Жарь-Птица» (Хромо-литографія въ 12 красокъ).	49
Виньетки и фронтиспись (стр. 5)—его-же. <i>Украдена</i>	
Обложка и надпись (стр. 53) Н. Теофилактова.	
Фронтиспись—миниатюра XIV в.	

СОДЕРЖАНИЕ.

SOMMAIRE.

C. Balmont, Poèmes.—Valère Brussov, L'Ange igné, Roman de la vie allemande du XVI siècle. Chap. VII.—Max Mell, Le recit d'un berger-Nouvelle. (Trad. d'allemand).—Ellis, Aphorismes.

Littérature russe. V. Bakouline, Le Triomphe des décadents.—I. Borozdine, La littérature historique russe en 1906-07.—Bibliographie. (Comptes-rendus sur les livres de MM. A. Kouprine et P. Pilsky, sur les éditions des œuvres de Radistcheff et Stépniack-Kravtchinsky et sur les traductions d'«Une Tragédie Florentine» d'O. Wilde et d'«Epistola obscurorum virorum»).—Lettres à la rédaction.—Errata.

Littérature allemande. Alexander Eliasberg, Les poètes allemands contemporains. (Art. I—II: Max Mell et Christian Morgenstern.) — Victor Hoffmann, Les poètes russes en Allemagne. (Analyse du livre de A. Eliasberg «Russische Lyrik der Gegenwart»).—Bibliographie. (Comptes-rendus sur les livres de St. Zweig, Karl Henckel, Julius Bab, Gustav Kühl et Franz Blei).—Les revues. («Das Litterarische Echo» et «Die Neue Runschau»).

Dessins. C. Somoff, Frontispice pour le livre «Goethes Tagebuch» (Hors texte).—Le-même, Frontispice pour le livre de C. Balmont, Lithographie en 12 couleurs. (Hors texte).—Vignettes et frontispice (page 5) par le-même.—Couverture et inscription (page 53) par N. Théophilaktoff.—Frontispice générale (page 1)—miniature du Livre d'Heures du duc de Berri.

Рисунки и виньетки К. Сомова, помещенные въ этомъ №, избраны по указанію автора.

Pl. C.

РАДѢННЯ БѢЛЫХЪ ГОЛУБЕЙ.

1. ГОЛУБИЦА.

Во саду, саду зеленомъ,
Подъ широкимъ небосклономъ,
Отъ Земли и до Небесъ,
Возносилось чудо-древо,
Съ блескомъ яблоковъ-чудесъ.

Прилетѣвъ на это древо,
Съ воркованіемъ напѣва,
Въ изумрудностяхъ вѣтвей,
Молодая Голубица
Выводила тамъ дѣтей

Молодица, Голубица,
Эта ласковая птица,
Ворковала къ молодымъ,
Говорила имъ загадки
Тамъ, подъ Древомъ вѣковымъ.

Говорила имъ загадки:

„Ужъ, вы, дѣтки-голубятки,
Клюйте вы пшеничку здѣсь,
А въ пыли вы не пылитесь,—
Міръ далекій пыленъ весь“.

„А въ пыли вы не пылитесь,
А въ росѣ вы не роситесь“,—
Ворковала имъ она.
Только дѣтки не стерпѣли,
Заманила ширина.

Голубятки не стерпѣли,
Въ міръ широкій полетѣли,
Запылилися въ пыли,
Заросилися росою,
Удержаться не могли.

Заросилися росою,
Застыдилися виною.
Голубица же нѣжна
Тамъ, подъ яблонью живою,
Оправдала ихъ она.

2. БРАТЪ И СЕСТРА.

— Кто ты, милый бѣлый братъ?
Какъ свѣча твой свѣтлый взглядъ.

— Кто ты, блѣдная сестра?
Говорить давно пора.

— Первый ты, откройся мнѣ,
Очень страшно при Лунѣ.

— Ты мнѣ первая скажи,
Кто ты, что ты, Расскажи.
— Я сестра, твоя сестра,
Вмѣстѣ вышли со двора,
Какъ оставили свой домъ,
Что Небесностью зовемъ.
— Я твой братъ, твой бѣлый братъ,
Ангель, что ли, говорятъ,
Все хочу я побороть
На землѣ земную плотъ.
— Я сестра, твоя сестра,
Я—душа, я—звѣздъ игра,
Если плотъ мы освятимъ,
Безъ обиды побѣдимъ.

3. АДАМЪ И ЕВА.

Адамъ, первично-красный,
Ликующая плотъ.
Изъ глыбы темно-страстной
Слѣпилъ его Господь.

Узвчивая Ева,
Прозрачная душа,
На первый зовъ напѣва
Пришла къ нему, спѣша.

Пришла къ нему въ невинный,
Сіяющій Эдемъ.
Но этотъ садъ пустынный
Для разума былъ нѣмъ.

И Ева воздохнула,
И поглядѣлъ Адамъ.
И долгій ропотъ гула
Прошелъ по Небесамъ.

Совсѣмъ въ срединѣ Рая
Красивый кустъ расцвѣлъ.
Адамъ сказалъ, не зная,
Что это—женскій полъ.

И раковина Моря
Раскрылась на кустѣ,
Съ зарею цвѣтомъ споря
И споря въ красотѣ.

И въ страсти обоюдной
Адамъ склонился къ ней.
Обвилъ ихъ изумрудный
Алмазноокій Змѣй.

Такъ пламенно горѣнье
Струилъ на нихъ алмазъ,
Что скрылъ онъ выраженье
Змѣиныхъ этихъ глазъ.

И дерево средь Рая,
Багряное, на снѣдъ
Растеть,—тѣла сжигая,
И жжетъ,—чтобы горѣть.

Мѣнять ужъ невозможно,
Цвѣти, кто раньше цвѣлъ.
Адамъ сказалъ неложно,
Что это—женскій полъ.

4. ДВА ШЕСТИКРЫЛЫХЪ.

Я сижу и я гляжу
На великую межу.
Справа—поле, слѣва—лѣсъ,
Много тутъ и тамъ чудесь.

Я гляжу. А за спиной
Шестикрылый Неземной.
Не одинъ стоитъ, ихъ два,
И растеть, поеть трава.

Тотъ, направо, свѣтлый онъ,
Словно день воспламенень.
А другой еще свѣтлѣй,
Какъ пожаръ среди ночей.

И одинъ—хорошъ, какъ тишь,
Какъ загрезившій камышъ.
У другого же глаза—
Грозовая бирюза.

И одинъ—свѣтло поеть,
Какъ напѣвность тихихъ водъ.
А другой—молчить, молчить,
И какъ къ битвѣ закричить.

И одинъ крыломъ взмахнетъ,
Шестикратностью блеснетъ,
И мгновенно для очей—
Годовыхъ три сотни дней.

И другой крыломъ взмахнетъ,
Шестимолнійно сверкнетъ,
И внезапно для очей—
Триста огненныхъ ночей.

Справа поле, слѣва лѣсъ,
Живо поле, лѣсъ воскресъ.
Свѣтелъ день и ночь свѣтла,
Богу вѣчному хвала.

5. ВТАЙ-РЪКА.

Изъ глубокаго колодца, изъ-подъ той крутой горы,
Гдѣ гнѣзда не строить птица, гдѣ не строить звѣрь норы,
Протекала полноводно и течеть-поеть вѣка
Непослушная, живая, влага-пламя, Втай-Рѣка.

Тамъ, на днѣ,—лишь бѣлый сахаръ, алый бархатъ, жемчуга,
Изъ глазастыхъ изумрудовъ расписные берега,
А порой, за крутизнами, поровнѣ бережки,
На отлогостяхъ сверкаютъ желто-рдяные пески.

Отъ Востока до Заката Втай-Рѣки идетъ длина,
Отъ холодныхъ странъ до жаркихъ растянулась ширина,
Глубину никто не знаетъ,—измѣряли мудрецы,
Опускали въ воду тяжесть, потеряли всѣ концы.

А и что жъ намъ вѣдать тайны—тѣхъ, кто хочетъ тайну скрыть,
Втай-Рѣка не съ мудрецами,—хочетъ съ сердцемъ говорить,
Прикатилась и вселилась въ полнозвучныя сердца,
Изъ глубокаго колодца, безъ начала и конца.

6. ЗОЛОТЫЯ ЗЕРНА.

Смотрите, братья-голуби, смотрите, сестры-горлицы,
Какъ много вамъ различнаго пшеничнаго зерна.
Намъ зерна эти свѣтлыя, о, духи свѣтловзорные,
Вечерняя, разсвѣтная послала вышина.

Отъ той Звѣзды, что первая въ вечерней свѣтитъ горницѣ,
Отъ той Звѣзды, что первая сіяетъ поутру,
Ниспосланъ этотъ колось намъ, и зерна въ немъ повторныя,
Берите это золото, я самъ его беру.

Вы, облачные голуби, покорливыя горлицы,
Снѣжите взоры крыльями, бѣлѣйтесь въ золотомъ.
Вамъ зерна золотистыя, вамъ облаки узорныя,
Вамъ солнечный, вамъ мѣсячный, небесный Божій Домъ.

7. КАКЪ СОНЪ.

Я какъ сонъ къ тебѣ ходилъ,
Оставлялъ свой цвѣтикъ аль,
Я какъ сонъ къ тебѣ ходилъ,
Я какъ лучъ тебя ласкалъ,
И въ живомъ игранныи силъ
Изъ потопа выводилъ.

Изъ потопа, изъ волны,
Изъ прибрежныхъ вязкихъ травъ,
Изъ мятущейся волны,

Изъ осоки и купавъ,
Изъ великой глубины
Къ свѣту Солнца и Луны.

Становиль тебя, сестра,
Во зеленымъ саду,
Говориль тебѣ, сестра,
Что вездѣ съ тобой пойду.
Говориль тебѣ: „Пора,
Есть священная игра.“

И Луною золотой
Осіянь въ живомъ саду,
Подъ Луною золотой
Я съ душою рѣчь веду.
Я съ своею молодой,
Мы подъ яблонью святой.

И зеленый садъ шумѣль,
Какъ тебя я цѣловаль,
И зеленый садъ шумѣль,
И раскрылся цвѣтикъ аль,
И кружился голубь бѣль,
Въ часъ, какъ Міръ намъ пѣсно пѣль.

8. ГОЛУБЬ.

Голубь къ терему припаль,
Кто тамъ, что тамъ, подсмотрѣль,
Голубь тѣломъ нѣжно-бѣль,
На оконцѣ жъ цвѣтикъ аль.

Бѣлый голубь ворковалъ,
Онъ цвѣточкомъ завладѣлъ,
Онъ его зачаровалъ,
Насладился, улетѣлъ.
Ахъ ты, бѣлый голубокъ,
Позабылъ ты аль цвѣтокъ!
Ахъ ты, бѣлый голубокъ,
Воротись хоть на часокъ!

9. ВОРКУНОКЪ.

Ужь очень, голубокъ,
Ты хитрый воркунокъ:
Затянешь, зажурчишь,
Разрушишь въ сердцѣ тишь,
Разломишь въ немъ ледокъ,
И манишь, и пьянишь,
О чемъ-то говоришь,
О чемъ и невдомекъ,
Заставишь воздыхать,
И стыднаго желать,
Заноетъ сердце,—глядь,
Вспорхнешь и улетишь.

10. ПОСЛАНИЕ КЪ ГОЛУБИЦЪ.

Ужь ты, птица-голубица,
Нѣжна горлица моя!
Ты—предивная страница
Въ Благовѣстїи бытія!

Ты—пресвѣтлая картина
 Между всѣхъ живыхъ картинъ!
 Ты—слиянье воедино
 Всѣхъ созвѣздій и вершинъ!
 Ты—открывшая мнѣ дверцу
 Въ нашъ волшебный теремокъ!
 Ты явившаяся сердцу
 Какъ божественный намекъ!
 Ты—явившаяся взору
 Какъ живой родникъ въ пути!
 Ты—возведшая на гору,
 Намъ съ которой не сойти!
 Ты—проведшая чрезъ рѣки
 На высокое крыльцо!
 Подарившая навѣки
 Звѣздотканное кольцо!
 Къ голубицѣ—голубочекъ,
 Благовонная камедь!
 Исписался весь листочекъ,
 Не сумѣлъ тебя воспѣть!

11. ГОЛУБКА СЪ ГОЛУБКОМЪ.

— Отчего, сестра, молчишь,
 Ничего не говоришь?
 — Мнѣ, мой братикъ, очень вновь
 Свѣтъ цвѣтовъ, хожденье въ словѣ.
 То раскроюсь, то сожмусь,
 Братьевъ, братика боюсь.
 — Ты не вѣрь себѣ, сестрица,
 Будь какъ въ Небѣ голубица.
 Со цвѣтами будь цвѣтокъ,
 Говориль для насъ Пророкъ.

И Пророчица намъ пѣла,
 Говорить—любитесь смѣло.
 — Милый братикъ, я люблю,
 Довѣряю Кораблю.
 Да сама душа пророчить,
 Вдругъ уйти отъ братьевъ хочетъ.
 Не на вове, на часокъ.—

Засмѣялся голубокъ.
 Встрепенулись, поглядѣли,
 Улетѣли, въ самомъ дѣлѣ,
 Улетѣли въ темноту,
 Засвѣтили тамъ мечту.
 Сестры, братья замѣчали,
 Ничего имъ не сказали.
 Коли хочется, такъ что жъ,
 Уходи, опять придешь.

12. СВАДЬБА.

Я вѣнчалася съ дружкой
 Подъ кусточкомъ, подъ кустомъ.
 Платье свадебно Луна
 Убѣлила съ высоты,
 Наша церковь—тишина,
 Гости свадебны—цвѣты.

Подъ кусточкомъ, подъ кустомъ
 Тамъ и свадебный былъ домъ.
 Были пѣвчіе у насъ
 Между ладанныхъ вѣтвей,
 Всю-то ночку пѣлъ—какъ разъ
 Надо мною—соловей.

Обручала насъ весна,
Обвѣнчала тишина,
И на яблонѣ лѣсной
Осыпались лепестки.
Хорошо-ль тебѣ со мной?
Вѣчно-ль будемъ мы дружки?

13. ГОЛУБАЯ ЗАУТРЕНЯ.

Пловучими туманами
Одѣтъ подь утро лѣсъ.
За бѣлыми полянами
Ужъ ликъ Луны исчезъ.

И бѣлыми полянами
Проходимъ мы съ тобой.
Зоветь гостями званными
Насъ цвѣтикъ голубой.

Велить намъ быть веселыми,
Еще притти съ тобой.
Свѣтло звонить надъ долами
Заутреней цвѣтной.

Надъ синими, надъ долами
Звонить онъ Кораблю.
Равняетъ мысли съ пчелами,
„Люблю“, поеть, „люблю“.

14. НЕЗАБУДОЧКА.

Незабудочка-цвѣточекъ
Очень ласково цвѣтеть,
Для тебя, мой другъ-дружочекъ,
Надъ водицею растеть.

Надъ водицей, надъ криницей,
Надъ водою ключевой;
На зарѣ съ звѣздой-звѣздицей
Говоритъ—ты, будто, мой.

Незабудочка-цвѣточекъ
Нѣжно-синенькій глазокъ,
Все зоветъ тебя, дружочекъ,
Слышишь тонкій голосокъ?

15. АНГЕЛЫ НЕБЕСНЫЕ.

Ангелы Небесные
Писанье ли читають?
Ангелы Небесные
Не въ Небѣ ли летаютъ?

Птицы поднебесныя
Не звонко ли поють?
Помыслы чудесныя
Не въ цвѣтикахъ ли ждуть?

16. ЦВѢТОЧКИ.

Я по рощицѣ ходила,
Въ ней бродила по утру,
Про себя я размышляла,
Что цвѣточковъ наберу,
Что цвѣточковъ я не мало
Заманю въ свою игру.
А ужъ силушка-то—сила
Въ сердцѣ выхода просила!

Я лазоревыхъ цвѣточковъ
Межъ листочковъ набрала,
Я сама не замѣчала,
Какъ далеко я ушла.
Я золотой цвѣтокъ срывала,
И душа была свѣтла,
Вдругъ увидѣла кусточекъ,—
Подъ кусточкомъ мой дружокъ.

Ужъ такой ли аль цвѣточекъ
Мой дружокъ мнѣ сорвалъ!
Я дрожала и не знала,
Какъ мнѣ скрыть тотъ цвѣтикъ аль.
Такъ ужъ стыдно, небывало
Тотъ цвѣточекъ расцвѣталъ!
Не могу теперь дружка
Отпустить изъ-подъ кусточка.

17. ПОГОНЯ.

Чей это топоть?—Чей это шопоть?—Чей это свѣтится глазъ?
 Кто это въ кругѣ—въ бѣшеной вьюгѣ—пляшетъ и путаеть насъ?

Чьи это крылья—въ дрожи безсилья—бьются—и снова летять?
 Чьи это хоры?—Чьи это взоры?—Чей это блещущій взглядъ?

Чье это слово,—вѣчно и ново,—въ сердцѣ поеть какъ гроза?
 Чьи неотступно—можетъ, преступно,—смотреть и смотреть глаза?

Кто измѣнился?—Кто это свился—въ полный змѣиности—жгутъ?
 Чьи это кони—бѣлые кони—въ дикой погонѣ—бѣгутъ?

18. ВЕРХОВНЫЙ ГОСТЬ.

Пресвѣтлый Гость, Верховный Гость
 Сойди, сойди, сойди!
 Ты насъ таи, мы всѣ твои,
 Гляди, гляди, гляди!
 Ты насъ храни, а мы огни
 Зажжемъ, зажжемъ, зажжемъ!
 Въ живую плоть войди, Господь,
 Огнемъ, огнемъ, огнемъ!
 На свѣтлый лугъ, въ нашъ быстрый кругъ
 Сойди, сойди, сойди!
 Ты любовь намъ, Гость, Верховный Гость,
 Гляди, гляди, гляди!

19. РАДѢНІЕ.

Дѣти Солнца въ часъ полночный,
Собрались въ игрѣ урочной,
Слитно-дружное вращенье,
Перекрестности круженья,
Плотно слажены ряды,
Мы во имя возрожденья
Ждемъ въ душѣ живой воды.

Жерновъ крутится упорный,
Бѣлый праздникъ ночью черной,
Быстро, посолонь, стремленье,
Звѣзды, въ жадѣ обновленья,
Прорѣзають такъ туманъ,
Въ кругѣ, знаменье радѣня,
Со святой водою чанъ.

Ногъ босыхъ все глуше топоть,
Усть сухихъ не слышенъ ропоть,
За одной живой стѣною
Двѣ и три идутъ волною,
Близъ рубахи—сарафанъ,
И напѣвной тишиною
Зачарованъ водный чанъ.

Въ глубинѣ явился Кто-то,
Въ ликѣ свѣтлая дремота,
Пробуждается въ купели,
Мы не даромъ здѣсь радѣли,
И пропѣли заговоръ,
Въ вихрѣ слышенъ зовъ свирѣли,
Въ чанѣ темномъ яркій взоръ.

Хороводъ нашъ содрогнулся,
 Съ неземнымъ соприкоснулся,
 Мы истоннымъ взяты раемъ,
 Въ пляскѣ мы изнемогаемъ,
 Мы блѣднѣй, чѣмъ полотно,
 Духъ сошелъ, мы знаемъ, знаемъ,
 Это было суждено.

20. БѢЛЫЙ ПАРУСЪ.

Прости, Солнце, прости, Мѣсяцъ, Звѣзды ясныя, простите.
 Если что не такъ я молвилъ про волшебность Корабля,
 Если что не досмотрѣлъ я, вы меня ужъ просвѣтите,
 Ты прости мои распѣвцы, Мать моя, Сыра Земля.

Можетъ, я хожденье въ словѣ и постигъ, да не довольно,
 Можетъ, слишкомъ я въ круженьи полюбилъ одну сестру,
 Какъ тутъ быть мнѣ, я не знаю, сердце плачетъ богомольно,
 Но не всѣхъ ли я прославлю, если ей цвѣты сберу?

Солнце, Мѣсяцъ, Звѣзды ясны, Мать Земля, меня простите,
 Ленъ въ поляхъ я возвращаю, дамъ обильно коноплю,
 А моя сестра сумѣетъ изъ цвѣточковъ выткать нити,
 И сплететъ намъ бѣлый парусъ съ голубымъ цвѣткомъ „Люблю“.

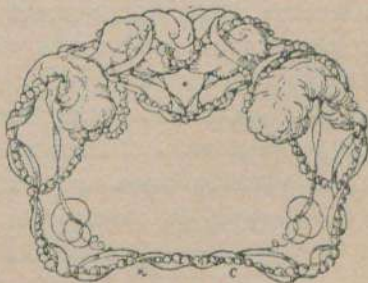
21. ЗВѢЗДОЛИКІЙ.

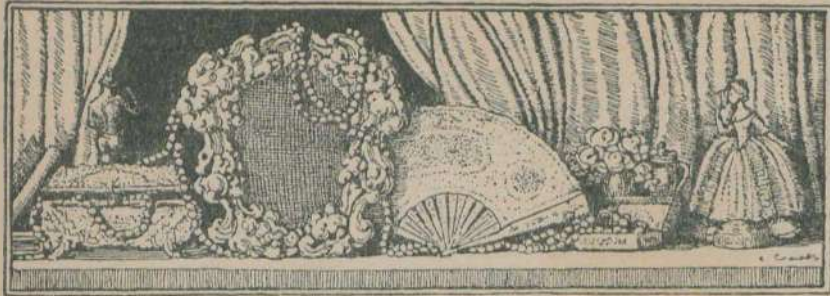
Лицо его было какъ Солнце—въ тотъ часъ, когда Солнце въ зенитѣ,
 Глаза его были какъ звѣзды—предъ тѣмъ какъ сорваться съ Небесь,
 И краски изъ радугъ служили какъ ткани, узоры и нити,
 Для пышныхъ его одѣяній, въ которыхъ онъ снова воскресъ.

Кругомъ него дрянулись громы въ обрывныхъ разгнѣванныхъ тучахъ,
И семь золотыхъ семизвѣздй, какъ свѣчи, горѣли предъ нимъ,
И гроздя пылающихъ молній цвѣтами раскрылись на кручахъ.
„Храните-ли Слово?“—онъ молвилъ,—мы крикнули съ воплемъ: „Хранимъ“

„Я первый“,—онъ рекъ,—„и послѣдній“,—и гулко отвѣтили громы.
„Часъ жатвы“,—сказалъ Звѣздоокй.—„Серпы приготовьте. Аминь“.
Мы вѣрной толпою возстали. На Небѣ алѣли изломы,
И семь золотыхъ семизвѣздй вели насъ къ предѣламъ пустынь.

К. Бальмонтъ.

ОГНЕННЫЙ АНГЕЛЪ.

ГЛАВА VII.

Какъ я встрѣтился съ графомъ Генрихомъ.

Добравшись до нашего дома, усталый, но веселый, я стукомъ въ ворота вызвалъ Луизу, передалъ ей поводья лошади и спросилъ:

— Что госпожа Рената?

Къ моему удивленію, Луиза отвѣтила мнѣ:

— Ей, кажется, лучше, господинъ Рупрехтъ. Безъ васъ она всѣ дни гуляла по городу и вчера возвратилась только поздно вечеромъ.

Конечно, въ словахъ Луизы было затаенное остріе, такъ какъ давно уже относилась она къ Ренатѣ недоброжелательно,—и ударъ не пришелся мимо. «Какъ,—сказалъ я себѣ,—Рената, которая при мнѣ дѣлаетъ видъ, что не можетъ подняться съ постели, какъ параличная, Рената, которая цѣлыми недѣлями не хочетъ переступить порога своей комнаты, словно она отказалась отъ этого по объѣту,—едва осталась одна, гуляетъ по зимнимъ улицамъ до темной ночи! Можно ли не вѣрить послѣ этого догадкамъ Ганса Вейера, что вся ея болѣзнь—только воображеніе, что всѣ ея страданія—только роль на театрѣ!»

Негодую, почти въ гнѣвѣ, вбѣжалъ я по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ на площадкѣ, опираясь на перила, Рената уже

ждала меня; лицо ея было блѣдно и обличало волненіе необыкновенное. Завидѣвъ меня, она протянула ко мнѣ руки, взяла меня за плечи и, не давая мнѣ вымолвить ни слова, сама не произнося привѣтствія, сказала:

— Рупрехтъ, онъ—здѣсь.

Я переспросилъ:

— Кто здѣсь?

Она подтвердила:

— Генрихъ—здѣсь! Я его видѣла. Я говорила съ нимъ.

Еще не совсѣмъ довѣряя словамъ Ренаты, я сталъ ее спрашивать:

— Ты не ошиблась? Тебѣ это, быть можетъ, показалось? Это былъ кто-нибудь другой. Онъ самъ признался тебѣ, что онъ—графъ Генрихъ?

Рената же увлекла меня въ свою комнату, заставила сѣсть и, почти прильнувъ ко мнѣ, наклонивъ лицо близко-близко, стала, задыхаясь, рассказывать мнѣ, что произошло съ нею въ Кельнѣ за эти два дня.

По ея словамъ, въ субботу, въ часъ вечерней службы, ей, когда она обычно изнемогала у окна въ холодной тоскѣ, вдругъ послышался тихій, но явственный голосъ, какъ бы ангельскій, который повторилъ трижды: «Онъ—здѣсь, около Собора. Онъ—здѣсь, около Собора. Онъ—здѣсь, около Собора». Послѣ этого Рената не могла ни разсуждать, ни медлить, но, вставъ и накинувъ плащъ, тотчасъ поспѣшила къ Собору на площадь, въ то время полную народомъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ въ толпѣ она различила графа Генриха, шедшаго съ другимъ молодымъ человѣкомъ, обнявшись. Отъ волненія при этомъ видѣніи, о которомъ она слишкомъ долго мечтала, Рената едва не упала безъ чувствъ, но нѣкая сила, какъ бы извнѣ, поддерживала ее, и она послѣдовала за идущими, черезъ весь городъ, пока они не вошли въ одинъ домъ, принадлежащій Эдуарду Штейну, другу гуманистовъ.

На другой день, въ воскресенье, съ ранней зари, Рената была на стражѣ близъ этого дома, твердо рѣшивъ дождаться появленія Генриха. Ей пришлось ждать долго, весь день, но она не

обращала вниманія на изумленные взгляды прохожихъ и подозрительные—рейтаровъ, и только мысль, что Генрихъ могъ ночью покинуть городъ, заставляла ее дрожать. Вдругъ, уже около сумерокъ, дверь растворилась и появился Генрихъ съ тѣмъ же юношей, какъ вчера, оживленно бесѣдуя. Рената пошла за ними, прячась у стѣнъ, и прослѣдила весь ихъ путь до Рейна, гдѣ друзья распрощались: незнакомецъ направился къ судамъ, а Генрихъ хотѣлъ возвратиться. Тогда Рената вышла изъ тѣни и назвала его по имени.

По словамъ Ренаты, Генрихъ сразу узналъ ее, но она была бы счастлива, если бы не было такъ, ибо лицо его, едва онъ понялъ, кто передъ нимъ, исказилось негодованіемъ и ненавистью. Рената схватила его за руку; онъ освободился, съ дрожью безгласности, и, отстраняя протянутые къ нему пальцы, пытался удалиться прочь. Тогда Рената стала передъ нимъ на колѣни на грязной набережной, цѣловала край его плаща и сказала ему всѣ тѣ слова, которыя такъ много разъ твердила мнѣ: какъ она его ждала, какъ она его искала, какъ она его любитъ, и умоляла здѣсь же убить ее, потому что отъ его удара умерла бы съ блаженствомъ, какъ святая. Но Генрихъ отвѣтилъ ей, что не хочетъ ни говорить съ ней, ни видѣть ее, что даже не имѣетъ права простить ее; наконецъ, вырвавшись изъ ея рукъ, онъ скрылся, почти убѣгая, оставивъ ее одну, въ темнотѣ и безлюдіи.

Весь этотъ разсказъ Рената провела однимъ духомъ, говоря голосомъ твердымъ и выбирая выраженія вѣрные и картинныя, но, дойдя до конца, она вдругъ сразу потеряла силы и волю, и залилась слезами: словно бы спалъ вѣтеръ, гнавшій корабль ея души, и паруса жалостно захлопали по снастямъ. И тотчасъ тяжело опустилась она на полъ, такъ какъ отчаяніе всегда влекло ее къ землѣ, и, клонясь ничкомъ, начала рыдать и биться, повторяя безпомощно одни и тѣ же слова, не слушая ни моихъ ласковыхъ утѣшеній, ни моихъ пытливыхъ вопросовъ.

Признаю, что на меня разсказъ Ренаты, хотя въ тотъ день я и былъ отъ нея болѣе далекъ, чѣмъ всегда,—произвелъ впечатлѣніе ошеломляющее: у меня забилось сердце прерывисто и

вся душа словно наполнилась чернымъ дымомъ отъ взрыва. Мысль, что кто-то смѣлъ обращаться надменно и презрительно съ женщиной, передъ которой я привыкъ стоять на колѣняхъ, была мнѣ нестерпима. Однако, я не позволилъ себѣ поддаться гнѣву и ревности, но постарался отчетливо разобраться въ томъ, что произошло, хотя оно и представлялось мнѣ беспорядочнымъ и стремительнымъ вихремъ. Какъ только Рената получила опять хоть нѣкоторую возможность говорить связно, я попросилъ ее повторить мнѣ точнѣе слова Генриха.

Все еще захлебываясь слезами, она воскликнула:

— Какъ онъ оскорблялъ меня! Какъ онъ меня оскорблялъ! Онъ говорилъ мнѣ, что я была злымъ гениемъ его жизни. Что я погубила всю его судьбу. Что я отняла его у Неба. Что я—отъ Дьявола. Онъ сказалъ мнѣ, что презираетъ меня. Что воспоминаніе о нашей любви ему отвратительно. Что наша любовь была мерзость и грѣхъ, въ которые я завлекла его постыднымъ обманомъ. Что онъ, что онъ... плюетъ на нашу любовь!

Тогда я спросилъ, почему графъ Генрихъ могъ говорить, что Рената отняла его у Неба? развѣ не самъ онъ, добровольно, увезъ ее въ свой замокъ, чтобы жить съ ней, какъ съ женой и какъ съ близкой? И такъ какъ въ тотъ часъ всѣ обычныя плотины въ душѣ Ренаты были сломаны стремительнымъ потокомъ ея горя, то, не дѣлая даже попытки защищаться, она упала лицомъ мнѣ на колѣни и воскликнула съ какой-то послѣдней искренностью, такъ для нея непривычной:

— Рупрехтъ! Рупрехтъ! Я утаила отъ тебя самое важное! Генрихъ никогда не искалъ человѣческой любви! Онъ не долженъ былъ никогда въ жизни прикасаться къ женщинѣ! Это я, это я, заставила его измѣнить клятвѣ. Да, я отняла его у неба, я у него отняла лучшія мечты, и за это онъ меня теперь презираетъ и ненавидитъ!

Продолжая осторожно подкрадываться къ истинѣ, какъ звѣрь къ добычѣ, я, вопросъ за вопросомъ, вывѣдалъ затѣмъ у Ренаты все то, что она утаила отъ меня о Генрихѣ въ своемъ первомъ разказѣ и о чемъ не обмолвилась ни разу за три мѣсяца нашей общей жизни. Я узналъ, что Генрихъ былъ участникомъ

одного тайнаго общества, вступая въ которое дають обѣтъ цѣломудрія. Это общество должно было скрѣпить христіанскій міръ болѣе тѣснымъ обручемъ, нежели Церковь, и стать во главѣ всей земли болѣе властно, нежели Императоръ и Святейшій отецъ. Генрихъ мечталъ, что онъ будетъ избранъ гроссмейстеромъ этого ордена и выведетъ ладью челоуѣчества изъ пучины зла на путь правды и свѣта. Ренату позвалъ онъ за собой, лишь какъ помощницу въ его опытахъ новой, божественной магіи, ибо ему нужна была особая сила, таящаяся въ нѣкоторыхъ людяхъ. Но Рената, почитая Генриха воплощеніемъ своего Мадіэля, приблизилась къ нему съ одной цѣлью—владѣть имъ, и, не пренебрегая никакими средствами, достигла торжества своихъ желаній. Однако, Генрихъ, послѣ недолгаго времени, въ которое умъ его былъ ослѣпленъ любовью, пришелъ въ ужасъ отъ совершеннаго и, въ горькомъ раскаяніи, бѣжалъ изъ роднаго замка, какъ изъ зачумленной страны.

Такое истолкованіе событій показалось мнѣ гораздо болѣе правдоподобнымъ, нежели то, которое Рената давала мнѣ раньше,—и я, соединивъ, наконецъ, въ одно цѣлое отдѣльныя нити ея разсказа, спросилъ у нея:

— Если ты сама сознаешь, что виновата передъ графомъ Генрихомъ, что ты лишила его лучшей надежды и отняла у него святую цѣль жизни, какъ же ты удивляешься, что онъ ненавидитъ тебя?

Рената медленно приподнялась съ полу, посмотрѣла на меня вдругъ высохшими глазами и потомъ сказала, совершенно новымъ, твердымъ, стальнымъ голосомъ:

— Я, можетъ быть, не удивляюсь вовсе. Я, можетъ быть, рада тому, что Генрихъ меня ненавидитъ. Я плачу не по нему, но по себѣ. Мнѣ не его жалко потерять, но стыдно и горько, что я могла такъ любить его, такъ предаваться ему. Я сама его ненавижу! Теперь я узнала точно, о чемъ догадывалась давно. Генрихъ обманулъ меня! Онъ—только челоуѣкъ, простой челоуѣкъ, котораго можно соблазнить и котораго можно погубить, а я, въ безуміи, воображала, что онъ—мой ангелъ! Нѣтъ, нѣтъ, Генрихъ—только графъ Оттергеймъ, неудавшійся гроссмейстеръ

своего ордена, а мой Мадіэль — на небесахъ, вѣчно чистый, вѣчно прекрасный, вѣчно недоступный!

Рената сложила руки, какъ для молитвы, а я почелъ это мгновеніе подходящимъ для того, чтобы высказать ей все то, о чемъ мечталъ и раздумывалъ на возвратномъ пути изъ Бонна. Я сказалъ:

— Рената! Итакъ, ты убѣдилась, что графъ Генрихъ—не твой ангелъ Мадіэль, но простой смертный, который нѣкоторое время любилъ тебя и котораго ты любила едва ли не по заблужденію. Нынѣ любовь эта погасла въ немъ, равно какъ и въ тебѣ, и твое сердце, Рената, свободно. Вспомни же, что близъ тебя есть другой, кому это сердце дороже всѣхъ золотыхъ розсыпей Мексики! Если со спокойной душой, хотя бы и безъ страсти, ты можешь протянуть мнѣ свою руку и дать мнѣ на будущее общаніе вѣрности, я приму это, какъ несчастный нишій королевскую милостыню, какъ пустынный благодать съ неба! Вотъ, еще разъ, Рената, я на колѣняхъ передъ тобой,—и отъ тебя зависить обратить все свое страшное прошлое въ забывающійся сонъ.

Рената, послѣ моихъ словъ, встала, выпрямилась, опустила мнѣ руки на плечи и сказала такъ:

— Я буду твоей женой, но ты долженъ убить Генриха!

Отступивъ на шагъ, я переспросилъ, такъ ли я слышалъ, потому что еще разъ Рената нѣсколькими словами перевернула все мое представленіе о ней, словно ребенокъ, перевортывающий мѣшокъ, изъ котораго сыплются на землю всѣ лежавшія тамъ вещи, — и Рената повторила мнѣ, голосомъ спокойнымъ, но, повидимому, въ крайнемъ волненіи:

— Ты долженъ убить Генриха! Онъ не смѣетъ жить, послѣ того, какъ выдавалъ себя за другого, за высшаго. Онъ укралъ у меня мои ласки и мою любовь. Убей его, убей его, Рупрехтъ, и я буду твоей! Я буду тебѣ вѣрна, я буду тебя любить, я пойду за тобой всюду — и въ этой жизни, и въ вѣчномъ огнѣ, куда откроется путь намъ обоимъ!

Я возразилъ:

— Я — не наемный убійца, Рената, не неаполитанецъ, я не

могу поджидать графа за угломъ и ударить его кинжаломъ въ спину: мнѣ честь не позволить этого!

Рената отвѣтила:

— Неужели ты не найдешь поводовъ вызвать его на бой? Ступай къ нему, какъ ты пошелъ къ Агриппѣ, оскорби его или заставь его оскорбить тебя, — развѣ мало у мужчины средствъ, чтобы убить другого?

Меня въ этой рѣчи поразило, прежде всего, упоминаніе объ Агриппѣ, такъ какъ до той минуты я былъ увѣренъ, что Рената, относясь безучастно ко всему на свѣтѣ, не знала о цѣли моей поѣздки. Что же касается самаго требованія—убить графа Генриха, то я лицомъриль бы, если бы сталъ утверждать, что оно меня ужаснуло. Смутила меня лишь неожиданность словъ Ренаты, но въ глубинахъ души моей они сразу нашли сочувственный отзвукъ, словно бы кто-то ударилъ въ мѣдный щитъ передъ глубокими гротами и многогласное эхо, замирая далеко, долго повторяло этотъ звукъ. И, когда Рената начала тѣснить меня, какъ противникъ врага, загнаннаго въ ущелье, вырывать у меня согласіе, какъ пантера кусокъ мяса изъ чужихъ когтей,— я сопротивлялся не очень упорно, почти для виду, и далъ ту клятву, которой она ждала.

Едва я произнесъ рѣшающія слова, какъ Рената перемѣнила все свое поведеніе. Внезапно замѣтила она, что я изнемогаю отъ усталости послѣ довольно продолжительнаго пути; съ заботливостью, которая до того времени проявлялась въ ней такъ рѣдко, бросилась она снимать съ меня дорожное платье, принесла мнѣ воды, чтобы умыться, разыскала мнѣ ужинъ и вина. Она вдругъ стала со мною какъ самая добрая, домовитая жена съ любимымъ супругомъ, или какъ старшая сестра съ захворавшимъ младшимъ братомъ. Переставъ говорить о графѣ Генрихѣ, словно позабывъ весь нашъ ожесточенный разговоръ и мою клятву, Рената, за ужиномъ, начала спрашивать меня о моей поѣздкѣ, интересуясь всѣмъ, что со мною случилось, обсуждая со мною слова Агриппы, какъ въ счастливые дни нашихъ общихъ занятій. Когда я, видя сквозь окна совершенно черное небо, сознавая внутреннимъ чувствомъ, что мы уже переступили

черезъ порогъ полночи, хотѣлъ, поцѣловавъ руку Ренаты, удалиться къ себѣ,—она тихо сказала мнѣ, опустивъ глаза, какъ невѣста:

— Почему ты сегодня не хочешь остаться со мной?

Почему я не хотѣлъ остаться! Да развѣ я смѣлъ объ этомъ мечтать! Уже очень давно, въ теченіе многихъ недѣль, не суждено мнѣ было проводить ночи близъ Ренаты, и я вспоминалъ о былой близости съ ней, какъ о чемъ-то призрачномъ и недоступномъ.

Этотъ разъ Рената не хотѣла, чтобы я устроился на деревянномъ помостѣ близъ ея постели, но позвала меня лечь съ ней рядомъ, опять какъ въ первые дни. Этотъ разъ Рената прижималась ко мнѣ всѣмъ тѣломъ, какъ любовница, цѣловала меня, искала моихъ губъ, моихъ рукъ, всего меня. И, когда я, отстраняясь, сказалъ ей, что она не должна искушать меня, Рената отвѣчала мнѣ:

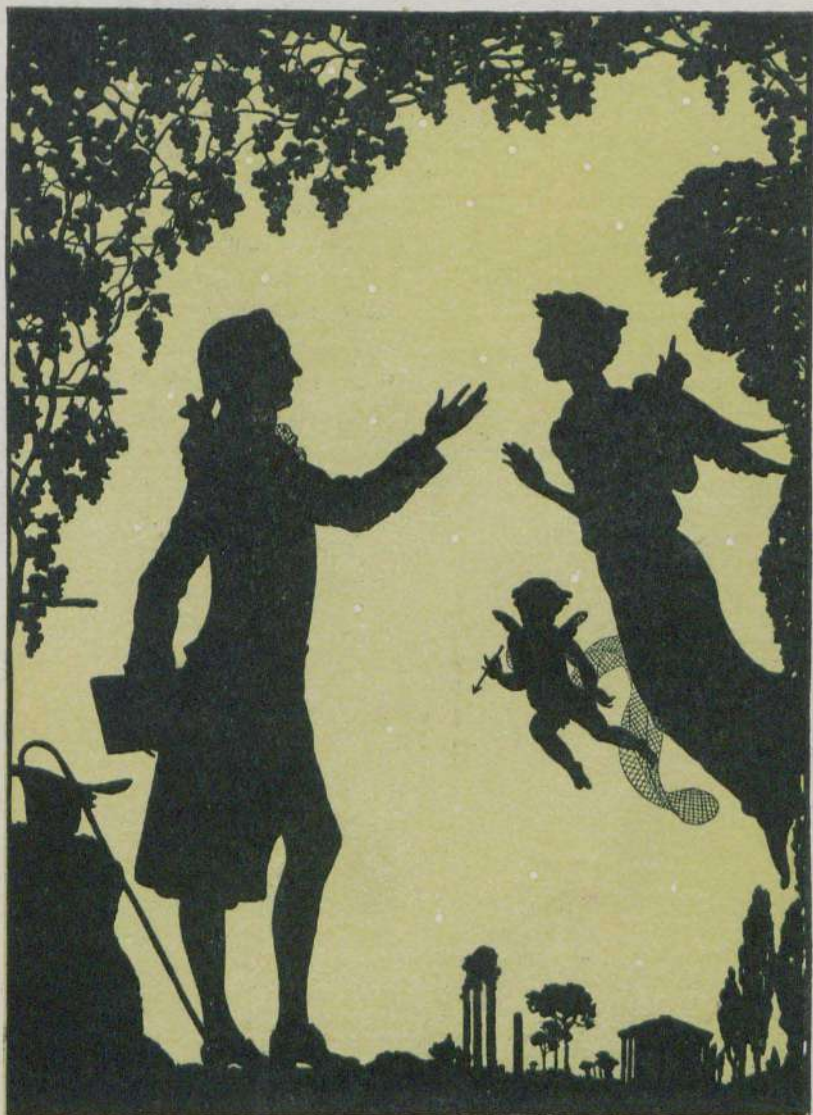
— Должна! Должна! Я хочу быть съ тобой! Сегодня я хочу тебя!

Такъ, неожиданно, совершилось наше первое соединеніе съ Ренатою, какъ мужчины съ женщиною, въ день, когда я всего менѣе ждалъ этого, послѣ разговора, который всего менѣе велъ къ этому. Та ночь стала нашей первой брачной ночью, послѣ того, какъ не мало часовъ мы провели на одной постели, словно братъ и сестра, и послѣ того, какъ нѣсколько мѣсяцевъ мы жили рядомъ, словно скромные друзья. Но, когда, въ мукѣ неожиданнаго счастья, почти опьянѣвъ отъ свершенія всего, что уже казалось невозможнымъ, приникъ я, истомленный, къ губамъ Ренаты, чтобы поцѣлуемъ благодарить ее за свой трепеть,—вдругъ увидѣлъ я, что ея глаза вновь полны слезами, что слезы текутъ по ея щекамъ и что губы ея искривлены улыбкой боли и безнадежности. Я воскликнулъ:

— Рената! Рената! Неужели ты плачешь?

Она отвѣтила мнѣ сдавленнымъ голосомъ:

— Цѣлуй меня, Рупрехтъ! Ласкай меня, Рупрехтъ! Вѣдь я же отдалась тебѣ! Вѣдь я же отдала тебѣ все мое тѣло! Еще! Еще!

С.

К. Сомовъ. Фронтисписъ книги «Göthes Tagebuch»

С.

Почти въ страхѣ, упалъ я ницъ на подушки, самъ готовый плакать и скрежетать зубами, но Рената съ насиліемъ влекла меня къ себѣ, заставляя быть живымъ орудіемъ ея пытки, добровольнымъ, но содрогающимся палачемъ, терзая и распиная себя, съ ненасытимой жаждой, на колесѣ ласкъ и крестѣ сладострастія. Она обманывала меня, снова и снова, притворной нѣжностью, соблазняла страстью, можетъ быть, и не искусственной, но предназначавшейся не мнѣ, и, вбросивъ свое тѣло въ пламя и въ пилы, стонала отъ блаженства—чувствовать боль, плакала отъ послѣдней радости — презирать себя. И до самаго утра длилась эта чудовищная игра въ любовь и счастье, въ которой поцѣлуи были острыми клинками, призывы къ наслажденію — угрозами судьи, влага страсти — кровью, а вся наша брачная постель — чернымъ застѣнкомъ.

Этотъ вечеръ, когда во имя любви отъ меня потребовали убійства, и эта ночь, когда во имя любви отъ меня потребовали мукъ, остались самымъ страшнымъ изъ моихъ бредовъ, и сонъ изнеможенія, избавившій меня отъ дьявольскихъ видѣній, оказала мнѣ милость большую, чѣмъ то могли всѣ владыки міра.

Я утромъ проснулся измученный больше, чѣмъ былъ бы послѣ полугодового заключенія въ подземной тюрьмѣ: мои глаза едва въ силахъ были смотрѣть на свѣтъ и сознаніе мое было тускло, словно плохое стекло. Но Рената, порой, бывала какъ изъ металла, твердая и упругая, не знающая никакого утомленія, и когда я впервые встрѣтилъ ея взглядъ — онъ былъ все тотъ же, что наканунѣ. Для меня все было еще такъ смутно, что я готовъ былъ сомнѣваться, живы ли мы оба, а Рената уже звала меня съ безжалостной настойчивостью.

— Рупрехтъ! пора! пора! Мы должны итти къ Генриху сейчасъ же! Я хочу, чтобы ты убилъ его скоро, завтра же!

Она не давала мнѣ одуматься, она торопила меня, словно на кораблѣ въ часъ крушенія, когда каждая минута дорога, — и теперь это я подчинялся съ покорностью андроида Альберта Великаго. Не споря, принарядился я, какъ могъ лучше, надѣлъ свою шпагу и послѣдовалъ за Ренатою, которая повела меня по пустыннымъ утреннимъ улицамъ, — молча, не откликаясь на

мои слова, точно исполняя чью-то неодолимую волю. Наконецъ, подошли мы къ дому Эдуарда Штейна, большому и роскошному, съ хитрыми балконами и лѣпными обводами у оконъ, и, съ однимъ только словомъ «здѣсь», Рената, указавъ мнѣ желѣзныя, рѣзныя двери, быстро повернулась и пошла прочь, какъ бы оставляя меня наединѣ съ моей совѣстью. Впрочемъ, и не смотря вслѣдъ Ренаты, я тотчасъ почувствовалъ, что она не уйдетъ далеко, но укроется за первымъ поворотомъ и будетъ ждать моего вторичнаго появленія у этой двери, чтобы, кинувшись, выхватить у меня тотчасъ извѣстіе объ успѣхѣ.

Сказать правду, я былъ такъ оглушенъ закрутившимъ меня смерчемъ событій, что, противъ своего обыкновенія, совсѣмъ не успѣлъ внимательно и строго обсудить свое положеніе. Только взявшись, чтобы постучаться, за дверную ручку, массивную и утонченной работы, вспомнилъ я, что не подготовилъ словъ для разговора съ Генрихомъ, что вообще не знаю, что я буду дѣлать, войдя въ этотъ богатый домъ. Медлить, однако, было не время, и съ тою рѣшимостью, съ какой, зажмуривъ глаза, бросаюся въ пучину, я ударилъ твердо и громко металломъ по металлу, и, когда слуга отворилъ мнѣ дверь, сказалъ, что долженъ непременно видѣть остановившагося въ этомъ домѣ графа Генриха фонъ-Оттергеймъ, по дѣлу важному и не терпящему отлагательства.

Слуга провелъ меня черезъ переднюю, уставленную высокими, но изящными шкафами, потомъ по широкой лѣстницѣ съ красивыми перилами, далѣе еще черезъ входную комнату, гдѣ висѣли картины, изображавшія разныхъ животныхъ, и, наконецъ, постучавшись, отворилъ мнѣ маленькую дверь. Я увидѣлъ передъ собой узкую комнату съ деревяннымъ, разукрашеннымъ потолкомъ, съ рѣзными фризами по стѣнамъ, всю заставленную деревянными для книгъ аналоями,—изъ-за которыхъ и выступилъ мнѣ навстрѣчу молодой человѣкъ, одѣтый изысканно, какъ рыцарь, въ шелкъ, съ прорѣзными рукавами, съ золотой цѣпью на груди и множествомъ мелкихъ золотыхъ украшеній. Я понималъ, что это — графъ Генрихъ.

Нѣсколько мгновений, прежде чѣмъ заговорить, всматривался

я въ этого человѣка, съ которымъ, безъ его вѣдома, уже такъ давно была чудеснымъ образомъ связана моя судьба, образъ котораго такъ часто силился я представить, котораго, порою, считала то небеснымъ духомъ, то созданиемъ большого воображенія. Генриху на видъ было не болѣе двадцати лѣтъ и во всемъ существѣ его былъ такой избытокъ свѣжести и юности, что, казалось, ихъ не можетъ сокрушить ничто въ мірѣ, такъ что становилось почти страшно и невольно вспоминалось о вѣчной молодости, какую, будто бы, даетъ людямъ таинственный напитокъ, растворившій въ себѣ алхимическій камень мудрецовъ. Лицо Генриха, безбородое и полу-юношеское, было не столько красиво, сколько поразительно: голубые глаза его, сидѣвшіе глубоко подъ нѣскольکو рѣдкими рѣсницами, казались осколками лазурнаго неба, губы, можетъ быть, слишкомъ полныя, складывались невольно въ улыбку такую же, какъ у ангеловъ на иконахъ, а волосы, дѣйствительно, похожіе на золотыя нити, такъ какъ были они тонки, остры и сухи и до странности лежали каждый отдѣльно, возносились надъ его челомъ, словно нимбъ святыхъ. Во всѣхъ движеніяхъ Генриха была стремительность не бѣга, но полета, и если бы продолжали настаивать, что онъ — житель неба, принявшій человѣческій обликъ, я бы, можетъ быть, увидѣлъ за его дѣтскими плечами два бѣлыхъ лебединыхъ крыла.

Первымъ графъ Генрихъ прервалъ мочаніе, конечно, недолгое, но казавшееся длительнымъ, спросивъ меня, какую можетъ онъ оказать мнѣ услугу, — и голосъ его, который я услышалъ здѣсь въ первый разъ, показался мнѣ самымъ прекраснымъ въ его существѣ, — пѣвучій, легко и быстро переходящій всѣ ступени музыкальныхъ тоновъ.

Собравъ всѣ силы своей сообразительности, стараясь говорить плавно и свободно, но даже не зная, чѣмъ закончу предложенія, первыя слова которыхъ произношу, — я началъ почтительную рѣчь. Я сказалъ, что много слышалъ о графѣ, какъ о замѣчательномъ ученомъ, въ молодые годы проникшемъ въ запретныя тайны природы и во всѣ сокровенныя ученія, отъ Пифагора и Платона до учителей нашихъ дней; что съ ранняго

дѣтства влекло меня неутолимое желаніе къ познанію высшей мудрости, къ исканію перво-причины всѣхъ вещей; что усерднымъ и прилежнымъ изученіемъ достигъ я нѣкоторой высоты пониманія, но увѣрился съ несомнѣнностью, что личными усиліями нельзя проникнуть въ послѣднія тайны, ибо посвященные, еще со временъ Хирама, строителя Соломонова, передають основныя истины лишь устно ученикамъ; что только въ обществахъ, гдѣ, какъ благодать въ Церкви, преемственно передаются откровенія древнѣйшихъ народовъ: евреевъ, халдеевъ, египтянъ и грековъ, возможно прійти къ дѣлу на пути познанія; что, зная графа за лицо вліятельное и важное въ самомъ значительномъ изъ этихъ обществъ, которыя всѣ связаны между собою единствомъ задачъ и единствомъ дѣла, я и прибѣгаю теперь къ нему съ просьбою — помочь мнѣ вступить, покорнымъ ученикомъ, въ одно изъ нихъ.

Къ моему удивленію, эта рѣчь, наполовину хвастливая и наполовину лицемѣрная, въ которой я постарался выставить на показъ всѣ свои скудныя свѣдѣнія о таинственныхъ орденнахъ посвященныхъ,—была встрѣчена графомъ Генрихомъ какъ что-то, достойное вниманія. Принявъ меня, кажется, за одного изъ посвященныхъ, хотя и стоящаго внѣ обществъ, Генрихъ поспѣшно и съ крайней вѣжливостью указалъ мнѣ на скамью, сѣлъ самъ и, глядя мнѣ въ лицо грустными и откровенными глазами, заговорилъ со мною какъ близкій съ близкимъ.

— Отвѣтите сначала,—сказалъ мнѣ онъ,—родственны ли вы къ намъ по основнымъ устремленіямъ своего духа? Одушевлены ли вы, какъ и мы, ненавистью къ звѣрямъ Востока и Запада? Приняли ли вы, какъ первое и вѣчное руководство, эмблему Сына Господня, озаренную свѣтомъ? Жаждете ли подняться къ небеснымъ вратамъ по семи ступенямъ изъ свинца, латуни, мѣди, желѣза, бронзы, серебра и золота?

По правдѣ, я мало, что понялъ изъ этихъ странныхъ вопросовъ, но подобныя выраженія были не въ новость мнѣ, только что прочитавшему множество книгъ по магіи, и хотя тотъ часъ казался мнѣ тогда важнѣйшимъ въ жизни, не преодолѣлъ я лукаваго соблазна, который поманилъ меня испытать, насколько

сами посвященные понимаютъ другъ друга. Припомнивъ нѣсколько загадочныхъ выраженій, встрѣченныхъ мною въ «Пемандрѣ» и другихъ подобныхъ сочиненіяхъ, постарался я отвѣтить Генриху въ тонѣ его рѣчи и озаботился при этомъ всего болѣе, чтобы слова мои не имѣли никакого отношенія къ его, ибо такую особенность подмѣтилъ я во всѣхъ таинственныхъ вопросахъ и отвѣтахъ. Я сказалъ:

— Изумрудная скрижаль Гермеса Трисмегиста гласитъ: то, что вверху, подобно тому, что внизу. Но пентаграмма, съ главою, устремленной вверхъ, знаменуетъ побѣду тернера надъ двумя, духовнаго надъ тѣломъ; съ главою же, устремленной внизъ, — побѣду грѣха надъ добромъ. Всѣ числа таинственны, но простыя выражаютъ преимущественно божественное, десятки — небесное, сотни — земное, тысячи — будущее. Какъ же думаете вы, что пришелъ бы я къ вамъ, если бы не умѣлъ различать бездны верхней отъ бездны нижней?

Едва произнесъ я эти совершенно пустыя слова, какъ тотчасъ раскался въ своей шуткѣ, потому что Генрихъ устремился на нихъ съ довѣрчивостью ребенка и воскликнулъ въ такомъ восторгѣ, словно я открылъ ему что-то невѣдомое и что-то поразительное:

— Ахъ, вы правы, вы правы! конечно, конечно! Я сразу понялъ, что мы съ вами — объ одномъ. И я васъ вовсе не испытывалъ! Я только хочу предупредить васъ, что на томъ пути, куда вы порываетесь, больше терній, чѣмъ сладкихъ ягодъ. На тайныхъ собраніяхъ не открываютъ, словно какой-то ларчикъ, истину истинъ. Первое слово, которое должны мы говорить новопривышему, это — жертва. Лишь тотъ, кто жаждетъ принести себя въ жертву, можетъ стать ученикомъ. Вдумались ли вы въ примѣры: свѣтлаго Озириса, погубленного темнымъ Тифономъ? божественнаго Орфея, растерзаннаго вакханками? дивнаго Діониса, умерщвленнаго титанами? нашего Бальдура, сына свѣта, павшаго отъ стрѣлы хитраго Локи? Авеля, убитаго рукою Каина? Христа распятаго? Рыцари Храма, двѣсти лѣтъ тому назадъ, заплатили жизнью за возвышенность своихъ цѣлей и за благородство, съ какимъ они говорили владыкамъ: «ты будешь королемъ, пока справедливъ». Вергилій Маронъ описы-

васть двѣ двери изъ міра тѣней: первая изъ слоновой кости, но сквозь нея вылетаютъ лишь обманчивые призраки; вторая изъ рога. Я только спрашиваю васъ, добровольно ли вы идете въ менѣе украшенную дверь?

Генрихъ проговорилъ все это со страстнымъ увлеченіемъ, произнося каждое слово такъ, словно оно было ему особенно дорого или словно оно въ первый разъ въ жизни пришло ему на уста. Смотря на этого полу-юношу, полу-ребенка, въ которомъ было такъ много внутренняго огня, что ничтожнаго повода, вродѣ легкомысленныхъ вопросовъ случайнаго посягателя, было ему достаточно, чтобы вспыхнуть огненными языками,—чувствовалъ я, что падаетъ и замираетъ во мнѣ вся къ нему ненависть, всякое къ нему недоброжелательство. Я слушалъ удивительные переливы его голоса, словно открывавшіе голубыя дали, вглядывался въ его глаза, которые, какъ мнѣ казалось, оставались, несмотря на оживленность рѣчи, печальными, какъ бы тая на своемъ днѣ канувшее туда отчаяніе, — и былъ какъ змѣя, выползшая изъ-подъ камня, чтобы ужалить, но зачарованная напѣвомъ африканскаго заклинателя. Былъ одинъ мигъ, когда я почти готовъ былъ воскликнуть: «Простите меня, графъ, вѣдь я недостойно посмѣялся надъ вами!». Но съ ужасомъ, поймавъ свою мысль на такой опасной тропинкѣ, я самъ крикнулъ себѣ «берегись!» и поспѣшилъ овладѣть своею душою, какъ всадникъ понесшей лошадыю. И тотчасъ, чтобы дать себѣ возможность оправиться, бросилъ я еще нѣсколько словъ Генриху, сказавъ ему:

— Я не боюсь испытаній, ибо мнѣ давно нестерпимо наше знаніе, которое есть, по выраженію одного ученаго, уподобленіе познающаго познаемому, *assimilatio scientis ad rem scitam*. Я ищу того познанія, о которомъ говоритъ тотъ же Гермесъ Трисмегистъ, какъ о разумной жертвѣ души и сердца. А тому ли, кто ее ищетъ, бояться дорожныхъ шиповъ?

Генрихъ схватилъ и эти слова, какъ драгоценную находку, и, словно бы по всякому поводу могъ онъ говорить безъ конца, тотчасъ разлился передо мною въ длинной и опять воодушевленной рѣчи. И опять, противъ моей воли, эта рѣчь, какъ буд-

то произнесенная съ желаніемъ убѣдить и уговорить своего лучшаго друга, отпечатлѣлась въ моей памяти такъ рѣзко, что сейчасъ не составляетъ мнѣ труда воскресить ее, едва ли не отъ слова до слова.

— Я васъ понимаю, я васъ понимаю,—сказалъ онъ.—Только вы все-таки ошибаетесь, думая, что мы въ силахъ раздавать истинное познаніе, какъ дары. Сокровенныя знанія называются такъ не потому, что ихъ скрываютъ, но потому, что они сами скрыты въ символахъ. У насъ нѣтъ никакихъ истинъ, но есть эмблемы, завѣщанныя намъ древностью, тѣмъ первымъ народомъ земли, который жилъ въ общеніи съ Богомъ и ангелами. Эти люди знали не тѣни вещей, но самыя вещи, и потому оставленные ими символы точно выражаютъ самую сущность бытія. Вѣчной Справедливости, однако, надо было, чтобы мы, утративъ это непосредственное знаніе, пришли къ блаженству черезъ купель слѣпоты и незнанія. Теперь мы должны соединить все, что добыли нашимъ разумомъ, — съ древнимъ откровеніемъ, и только изъ этого соединенія получится совершенное познаніе. Но, вѣрьте мнѣ, чистая душа и чистое сердце помогутъ въ этомъ болѣе, чѣмъ всѣ совѣты мудрыхъ. Добродѣтель — вотъ истинный камень мудрецовъ!

Въ этомъ мѣстѣ рѣчи Генрихъ сдѣлалъ остановку, потомъ съ совершенно измѣненнымъ лицомъ и немного блуждающимъ взоромъ, добавилъ тихо и раздѣльно:

— Вѣдь вы тоже знаете, что времена и сроки исполнились. Вѣдь вы тоже, какъ только наступаетъ тишина, слышите раскрываемыя двери. Тихе, тихе, прислушайтесь! Слышите: шаги приближаются? слышите: падаютъ листья съ деревьевъ?

Послѣднія слова Генрихъ произнесъ совѣмъ замирающимъ голосомъ, дѣлая знакъ мнѣ соблюдать тишину, весь насторожившись, словно дѣйствительно слышалъ онъ шумъ шаговъ и паденіе листьевъ, и наклонивъ ко мнѣ близко-близко свои глаза, большіе и безумные, такъ что стало мнѣ жутко и не по себѣ. Я оторвалъ свой взглядъ отъ взгляда Генриха и, вдругъ откинувшись назадъ на спинку скамьи, перемѣнилъ тонъ и сказалъ ему твердо и жестко:

— Довольно, графъ, теперь я все понялъ, что желалъ узнать. Генрихъ посмотрѣлъ на меня недоумѣвающе и спросилъ:

— Что вы поняли и что вы желали узнать?

Я отвѣтилъ:

— Я окончательно узналъ, что вы—обманщикъ и шарлатанъ, который гдѣ-то укралъ обрывки сокровенныхъ знаній и пользуется наворованнымъ, чтобы выдавать себя за посвященнаго и учителя!

При такомъ неожиданномъ нападеніи Генрихъ невольно поднялся со скамьи и, продолжая глядѣть прямо на меня, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, словно желая потребовать отъ меня объясненій. Я ждалъ, не двигаясь, не опуская взгляда, но, не дойдя до меня, Генрихъ переломилъ свое волненіе и произнесъ кротко:

— Если вы такъ думаете, намъ не о чемъ больше разговаривать! Прощайте!..

Но я, толкая самага себя внизъ по склону, крикнулъ ему:

— Теперь это вы ошибаетесь, думая, что за обманъ заплатите такъ дешево! Есть святыни, которыми нельзя шутить, и есть слова, которыя нельзя произносить легкомысленно! Я призываю васъ къ отвѣту, графъ Генрихъ фонъ-Оттергеймъ!

Съ гнѣвнымъ лицомъ Генрихъ отвѣтилъ мнѣ:

— Кто вы такой, что приходите ко мнѣ и вдругъ начинаете говорить такимъ голосомъ? Я могу не слушать васъ!

Я возразилъ съ торжественностью:

— Кто я? Я—голосъ вашей совѣсти и голосъ мести!

Говоря такъ, я себѣ показывалъ на глаза Генриха, и напоминалъ, что ихъ любила Рената,—на его руки, и говорилъ, что она ихъ цѣловала,—на все его тѣло, и старался представить, какъ она ласкала его съ упоеніемъ. Слово большими мѣхами раздувалъ я въ своей душѣ огонь ревности и, словно полководецъ солдатамъ, приказывалъ я своимъ словамъ: «смѣлѣе!»

Между тѣмъ, Генрихъ, сочтя меня, должно быть, за помѣшаннаго, сказалъ мнѣ:—«Мы поговоримъ послѣ!»—и хотѣлъ выйти изъ комнаты. Но я, въ страхѣ, что не использовалъ этой встрѣ-

чи, которая может не повториться, загородилъ Генриху дорогу и крикнулъ, уже въ самомъ дѣлѣ со страстью:

— Вы, говорящій о добродѣтели, я васъ обвиняю въ безчестности! Я васъ обвиняю, что вы по отношенію къ дамѣ вели себя не какъ рыцарь! Вы обманомъ увезли въ свой замокъ дѣвушку для пѣлей низкихъ и едва ли не преступныхъ. Вы потомъ пренебрегли ею и покинули ее. Когда же она здѣсь, на улицѣ, молила васъ о снисхожденіи, вы оскорбили ее, какъ мужчина не долженъ оскорблять женщину. Я вамъ бросаю перчатку, и вы подымите ее, если вы рыцарь!

Впечатлѣніе моихъ словъ, необдуманныхъ, которыхъ, по всѣмъ соображеніямъ, говорить мнѣ не слѣдовало, было выше моихъ ожиданій, потому что Генрихъ метнулся отъ меня въ сторону, какъ раненый олень; потомъ, въ крайнемъ волненіи, схватилъ какую-то книгу съ аналоя и безвольно, дрожащими пальцами, сталъ ее перелистывать; наконецъ, обернулся и спросилъ меня подавленнымъ голосомъ:

— Я не знаю васъ, кто вы такой. Я могу принять вызовъ только отъ равнаго себѣ...

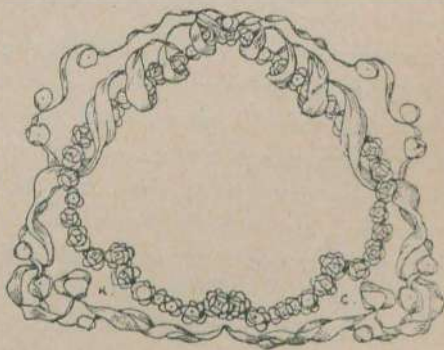
Эти слова заставили меня потерять послѣднее самообладаніе, ибо, хотя я и не имѣю никакихъ причинъ стыдиться своего происхожденія отъ честнаго медика маленькаго городка, однако, въ вопросѣ Генриха узналъ я незаслуженное оскорбленіе, которое клеймило меня уже не разъ, какъ человѣка не изъ рыцарской семьи. И въ тотъ мигъ не нашелъ я ничего болѣе достойнаго, какъ, откинувъ голову, сказать съ холодной гордостью:

— Я такой же рыцарь, какъ вы, и вамъ не можетъ быть стыда сойтись со мною въ честномъ поединкѣ. Пришлите же завтра вашихъ товарищей, въ полдень, къ Собору, условиться съ моими. Иначе мнѣ останется убить васъ, какъ труса и не знающаго чести.

Уже произнеся эти слова, понялъ я, какъ позорно было мнѣ лгать въ ту минуту, и меня охватилъ и стыдъ и раздраженіе, такъ что, не добавивъ болѣе ничего, почти выбѣжалъ я изъ комнаты Генриха, быстро спустился внизъ по роскошной лѣстницѣ и гнѣвнымъ движеніемъ заставилъ растворить передо мною вы-

ходную дверь. Лицо мое въ свѣжій вѣтеръ свѣтлаго зимняго дня и глаза мои въ ясное синее небо упали какъ въ водоемъ съ ключевой водой, и я долго стоялъ, не увѣренный, было ли въ дѣйствительности все, что произошло. Потомъ я пошелъ по улицѣ, какъ-то неволью касаясь рукой стѣнъ, словно слѣпой, нащупывающій свою дорогу. Вдругъ прямо передо мною означилось лицо Ренаты, испуганное, блѣдное, съ расширенными зрачками. Она хотѣла что-то спросить у меня, но я отстранилъ ее съ такой силой, что она едва не упала, ударившись о выступъ дома, а самъ пробѣжалъ дальше, не произнеся ни слова.

Валерій Брюсовъ.

РАЗСКАЗЪ МОНАСТЫРСКАГО ПАСТУХА.

Макса Мелля.

Мать игуменья! Ты — владычица надъ монастыремъ и его землями; ты — госпожа надъ всѣми инокинями, служанками и работниками, пасущими твои стада. Я — же простой, грязный пастухъ и на меня никто не обращаетъ вниманія, когда я по вечерамъ направляюсь къ часовнѣ молиться, или когда я во время молитвы встаю съ колѣнъ, чтобы образумить какого-нибудь упрямаго быка изъ моего стада. Ночной ангелъ несетъ твою молитву къ престолу Божьему въ серебрянной чашѣ, и Всевышній благосклонно принимаетъ твоё моленіе изъ его руки. Для моей же молитвы Ангелъ имѣетъ только простую глиняную миску, и я не долженъ гнѣваться, если онъ иногда во время полета проливаетъ мою молитву на землю. Тебѣ во снѣ является Пресвятая Дѣва съ улыбающимся Младенцемъ; я же сплю слишкомъ крѣпко, чтобы видѣть сны; если же мнѣ иногда и приснится что-нибудь, то мое сновидѣніе безсвязно и безсмысленно, какъ сновидѣнья всѣхъ тѣхъ, кто днемъ изъ-за обилія работы не успѣваетъ ни разу кинуть благочестиваго взгляда на небо.

Столь же безсвязнымъ и безсмысленнымъ тебѣ покажется, вѣроятно, и мой рассказъ: ты, вѣдь, видишь и постигаешь все происходящее быстрымъ окомъ сокола, паряшаго надъ озеромъ; мы же подобны дикимъ уткамъ, живущимъ въ тростникахъ и не знающимъ, какъ велико озеро и какъ ясно оно отражаетъ всѣ предметы. И все же мнѣ пришлось пережить нѣчто чудес-

ное (если ты позволишь мнѣ назвать это чудомъ), огибающее обычный прямой путь судьбы и ломающее ея законы, какъ будто бы они были тонкими былинками. Прости мнѣ, мать игуменья. Если ты даже найдешь, что то, что я тебѣ расскажу, просто и естественно, то я все же не перестану смотрѣть на это, какъ на чудо; вѣдь я же, а не кто-нибудь другой, пережилъ все это и поэтому оно полно особаго значенія, для меня, а не для кого-нибудь иного: не правда-ли?

Итакъ, вчера въ обѣдъ,—если ты хочешь милостиво выслушать многія и черезъ-чуръ обильныя подробности моего разсказа,—вчера въ обѣдъ я шелъ въ ожиданіи церковнаго звона по пастбищу, покрытому высокою травой и изобилующему пестрыми цвѣтами. И вдругъ я замѣтилъ у плетня, отдѣляющаго монастырскія владѣнія отъ сосѣднихъ полей, дѣвушку, которую я сперва принялъ за одну изъ монастырскихъ работницъ. Но когда я разглядѣлъ ее пристальнѣе и когда моя собака начала на нее лаять, я рѣшилъ, что она чужая и что она пришла издалека: ея бѣдная одежда была изорвана и покрыта цѣпкими травами, приставшими къ ней, вѣроятно, во время странствій по лугамъ.—Она стояла неподвижно и смотрѣла, какъ я успокаивалъ лаявшую собаку. Ея ротъ имѣлъ столь трогательную форму, какъ если бы на немъ застыла скромная просьба; пряди ея рыжеватыхъ волосъ колебались на вѣтру, который, вѣдь, на лугахъ никогда не спитъ, и сверкали на солнцѣ. Я спросилъ ее, наконецъ, кто она такая и чего она желаетъ, и, когда она мнѣ отвѣтила: «Я голодна»,—я велѣлъ ей перескочить черезъ плетень, что она и исполнила однимъ ловкимъ и изящнымъ прыжкомъ. При этомъ я, никогда не удостоивающій взглядомъ ни одной изъ монастырскихъ женщинъ, постоянно надо мной издѣвающихся, не могъ оторвать взгляда отъ красивыхъ линий ея молодого, гибкаго тѣла. Я протянулъ ей свою собственную опорожненную миску и сказалъ: «Возьми себѣ столько, сколько тебѣ нужно.». Она подоила корову и принялась съ большою жадностью за молоко,—но какъ только раздался монастырскій звонъ, она поставила миску на землю и погрузилась, подобно мнѣ, въ молитву; этотъ поступокъ мнѣ чрезвычайно понравился.

Когда она насытилась, я сказалъ ей: «Ты можешь быть рада, что не попала на другихъ парней; они не оставили бы тебя въ покоѣ». — «Я и такъ не знаю покоя!» — отвѣтила она, — и всякій разъ, когда я вижу развѣсистое дерево съ прохладной тѣнью внизу у ствола, я начинаю плакать». — Говоря это, она устремила на меня сверкающій взглядъ своихъ сѣрыхъ глазъ. «Куда же ты держишь путь?» — спросилъ я ее. — «У меня нѣтъ цѣли. Я не знаю, откуда я пришла и гдѣ мой путь завершится. Я боюсь только одного: какъ бы не набрести на море, которое отрѣжетъ мнѣ дальнѣйшій путь. Я должна была бы тамъ остановиться и ждать, наблюдая вѣчный хороводъ свѣтилъ, своей смерти». — Она встала и отправилась въ путь. Вѣтеръ, пробѣгавшій по склону холма, бережно укладывалъ травы и цвѣты въ стройные ряды, разсматривалъ сѣрую изнанку листьевъ и разрывалъ всѣ тѣни въ клочья, такъ что солнечныя пятна не могли найти себѣ покоя. Она же шла по вѣтру, отсвѣчивая сѣрыми и ржаватыми пятнами, и казалось, что въ ней есть нѣчто, родственное вѣтру: онъ ее, вѣроятно, очень любилъ, потому что сыпалъ солнечныя блестки ей въ волосы и осторожно переносилъ ее черезъ густыя заросли. Нѣкоторое время меня преслѣдовали еще мысли о ней и о томъ, что она никогда не находитъ покоя, но потомъ я принялся опять за свою работу. Когда же я вечеромъ гналъ свое стадо домой, я былъ опять спокоенъ, беззаботенъ и усталъ, какъ всегда.

Между тѣмъ, монастырская челядь освѣтила большую горницу и разставила дымящіяся блюда съ бараниной, кувшины пива и большія миски каши на широкихъ столахъ. И затѣмъ всѣ они принялись ѣсть и пить и всѣ были очень веселы. Послѣ ѣды выступилъ на середину горницы дворецкій; онъ игралъ на арфѣ и пѣлъ пѣсню о королѣ, погибшемъ въ кровавой битвѣ. Его смѣнилъ ключникъ, который тоже игралъ на арфѣ и пѣлъ о дѣвушкѣ, которая была обезчещена въ темномъ лѣсу и потомъ утопилась въ пруду подъ ветлами. Потомъ игралъ садовникъ, и онъ пѣлъ про даму, которая подкупила слугу, убившаго потомъ во время охоты своего господина и его вѣрнаго пса. Потомъ игралъ поваръ, а двѣ дѣвушки спѣли въ два го-

лоса пѣсню о состязаніи лѣта и зимы. Послѣ этого они всѣ захотѣли, чтобы и я усѣлся за арфу и спѣлъ имъ что-нибудь: они, вѣдь, пристають ко мнѣ съ такими просьбами каждый вечеръ, хотя и знаютъ, что мои пальцы неуклюжи и что мой языкъ слишкомъ тяжелъ для звуковъ пѣсни. Но вчера мнѣ показалось, что на этотъ разъ мнѣ удастся сложить и спѣть пѣсню: мнѣ опять припомнилась дѣвушка, которую я накормилъ и которая все идетъ и идетъ впередъ и боится встрѣтить море, черезъ которое она не сможетъ итти дальше. Итакъ, я взялся за арфу; но мои пальцы были утомлены дневной работой и мой языкъ не хотѣлъ мнѣ повиноваться. А они всѣ стали надо мной потѣшаться, и дѣвушки старались хохотать еще оглушительнѣе, чѣмъ парни. Одна же изъ дѣвушекъ, которая мнѣ, впрочемъ, и раньше была противна, спѣла очень обидную пѣсенку про глупаго пастуха, который не умѣетъ пѣть, а все же поетъ. Тогда я незамѣтно ушелъ изъ горницы; мнѣ было жутко и неуютно, и мои щеки горѣли.

Я усѣлся передъ хлѣвомъ и съ грустью глядѣлъ въ темноту, наблюдая мигавшія звѣзды и медленное движеніе луны. Я слышалъ, какъ челядь продолжала шумѣть, какъ кто-то изъ пастуховъ заладилъ плясовую пѣсню и какъ серебряный звонъ струнъ съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу сквозь глухой топотъ танцующихъ паръ. И вдругъ я подумалъ, что, вѣдь, еще никто, никогда не обратился ко мнѣ съ ласковой рѣчью и что ни одна женщина еще ни разу не обратила на меня вниманія. Мѣсяцъ, между тѣмъ, значительно передвинулся, такъ что я очутился въ тѣни хлѣва и могъ незамѣченнымъ наблюдать, какъ челядь стала расходиться изъ горницы: они сворачивали въ узкіе проходы между сараями, нѣкоторые—въ одиночку, нѣкоторые—громко смѣясь и разговаривая; иногда-же мелькала парочка, которая безмолвно и поспѣшно исчезала. Потомъ все замолкло; лишь изрѣдка раздавались глухіе звуки изъ хлѣва, или шуршаль вѣтеръ. Мнѣ же было очень грустно на душѣ, такъ какъ я повѣрилъ людямъ, утверждавшимъ, что я не умѣю пѣть.

Я улегся на голой землѣ и заснулъ. Но меня скоро разбу-

диль собачій лай. Тогда я привсталъ и услыхаль легкіе шаги. Чья-то фигура вошла въ тѣнь и остановилась вблизи моего изголовья; я узналъ въ ней чужую дѣвушку. Я успокоилъ собаку и сказалъ: «Что ты тутъ бродишь? кто ты?». Она отвѣтила: — «Мнѣ сегодня какъ-то не удалось уйти отсюда; у меня такое чувство, какъ будто бы меня кто-то здѣсь удерживаетъ». — Я говорю: «Берегись! Вѣдь теперъ ночь!» А она въ отвѣтъ: — «Я не знаю страха. Здѣсь всѣ спятъ. Я очень рада, что ты не спишь: я съ обѣда еще ничего не ѣла. Дай мнѣ чего-нибудь! Я, вѣдь, больше не вернусь сюда!» — Мнѣ очень хотѣлось спать, и я сказалъ: «Ступай въ хлѣвъ и возьми себѣ, сколько хочешь». Она вошла въ хлѣвъ, а я тотчасъ же заснулъ. Скоро я почувствовалъ во снѣ что-то теплое у своего лица и подумалъ, что это собака меня лижетъ. Но это была чужая дѣвушка, тѣло которой сверкало возлѣ меня и прижималось къ моему тѣлу. Когда же я простиралъ свои руки, то я каждый разъ встрѣчалъ нѣчто теплое и мягкое, окутывавшее меня, какъ облакомъ. Это мягкое облако походило на убаюкивающую пѣсню, и я тонулъ въ немъ, прислушиваясь къ равномерному біенію ея сердца, напоминавшему мнѣ о жизни. Я спѣшилъ утолить свою жажду и долго пилъ...

Потомъ я лежалъ, утомленный, и видѣлъ, какъ все тотъ же потокъ несъ мимо меня свои серебристыя струи. Тогда я началъ невольно шептать: «Отчего же я не умѣю пѣть? отчего мнѣ это не дано?». И я видѣлъ склонившееся надъ мною лицо и испугался, такъ какъ оно казалось голубымъ въ лунномъ сіяніи, а пряди ея волосъ дрожали вокругъ лица и на щекахъ и глаза сіяли такимъ страннымъ мистическимъ свѣтомъ, что, казалось, что весь свѣтъ въ природѣ только изъ нихъ исходитъ, и я боялся воспринять этотъ свѣтъ своими глазами. — «Пой же! Ты вѣдь умѣешь пѣть!» — сказалъ мнѣ знакомый голосъ, но я отвѣтилъ съ отчаяніемъ: «У меня нѣтъ словъ, я не знаю, о чемъ мнѣ пѣть!» — «Ты не знаешь, о чемъ тебѣ пѣть?» — Сіяющіе глаза нѣсколько удалились, а ея опущенное лицо было невыразимо-сладостно, и оно дрожало въ улыбкѣ. — «Пой пѣсню о мірозданіи!» — Тогда я всталъ и почувствовалъ, что вся моя жизнь, лежащая позади, опять проносится предъ моими

глазами, какъ въ зеркалѣ! Я выпрямился, и мое чело почти коснулось луны, а у ногъ моихъ стояла на колѣняхъ бѣлая дѣвушка. Всѣ ясные часы, пронесившіеся когда-либо надо мной на пастбищѣ, всѣ напѣвы и проповѣди изъ часовни и вся прелесть послѣдняго волшебнаго часа, — все это явилось вновь предъ моимъ взоромъ и съ легкостью давалось въ мои руки, подобно ручной птицѣ. Число звѣздъ было въ тысячу разъ больше, чѣмъ въ другія ночи, и гдѣ-то виталъ Господь. Съ Бога я и началъ свою пѣсню, и она свободно полилась изъ моихъ устъ.

Я пѣлъ о томъ, какъ Онъ всегда и всюду былъ и все заполнялъ Собой; какъ Онъ разъ почувствовалъ, что что-то растетъ и разцвѣтаетъ въ Его сердцѣ, и какъ Онъ понялъ, что это есть Любовь; какъ эта Любовь росла и развѣтвлялась и начала даже бросать свою тѣнь на Него, хотя Онъ и все заполнялъ и ни для чего иного не было больше мѣста. И какъ раздался шумъ, какъ бы отъ тысячи лѣсовъ, когда Онъ сказалъ: «Да будетъ свѣтъ!». Какъ этотъ свѣтъ явился, освѣщая Ему все то, что Онъ творилъ; какъ Онъ простеръ Свою десницу — и явилась земля; какъ небо явилось подъ Его дыханіемъ, подобно полному вѣтромъ парусу; и какъ Онъ началъ плакать, Самъ не зная о чемъ, и какъ изъ Его слезъ явилось море. Какъ земля разступилась, давая дорогу тонкимъ, слабымъ былинкамъ, звѣздоподобнымъ цвѣткамъ и легкимъ стволамъ молодыхъ деревьевъ. И Онъ сотворилъ свѣтила и укрѣпилъ ихъ на небѣ, дабы они показывали время: и надъ травами стали проноситься въ длинныхъ одѣяніяхъ, которыя тянулись за ними, годы, дни и часы, и они не знали, что имъ дѣлать. А изъ морскихъ волнъ выступили огромныя, черныя животныя и малыя рыбки плескались между ними. На деревьяхъ-же порхали пестрыя птицы съ длинными разноцвѣтными хвостами; онѣ щебетали и пѣли, такъ что годы остановились въ своемъ теченіи и стали прислушиваться къ ихъ пѣнію. На лугахъ появились стройныя животныя, и они скакали на своихъ тонкихъ ногахъ и лакомились листьями; они быстро размножались, и между ними были и совсѣмъ большія, и совсѣмъ маленькія, исчезающія сейчасъ-же, послѣ своего появленія, въ высокой травѣ. И такъ наполнилась земля, и Господь

Ю. и Б. С. Л. в. Б. М. в. О. Ж. П. в. Ч.
КАРЪПТИЦА СЛАВЯНКА

глазами, какъ въ зеркалѣ! Я выпрямился, и мое чело почти коснулось луны, а у ногъ моихъ стояла на колѣняхъ бѣлая дѣвушка. Всѣ ясные чины, пронесившіеся когда-либо надо мной, — пастбищѣ, всѣ наставы и проповѣди изъ часовни и вся прелесть послѣдняго возможнаго часа, — все это явилось вновь предо мной, и съ легкостью давалось въ мои руки, подобно ручной птицѣ. Число звѣздъ было въ тысячу разъ больше, чѣмъ въ другія ночи, и гдѣ-то виталъ Господь. Съ Бога и началъ свою пѣсню, и она свободно наполнилась изъ моихъ устъ.

Я пѣлъ о томъ, какъ Онъ всегда и всюду былъ и все заполнялъ Собой; какъ Онъ разъ почувствовалъ, что что-то растетъ и разцвѣтаетъ въ Его деснѣ, и какъ Онъ понималъ, что это есть Любовь; какъ эта Любовь росла и развѣтвлялась и начала даже бросать свою тѣнь на Бога, хотя Онъ и все заполнялъ и не для чего иного, какъ для большаго мѣста. И какъ раздался шумъ, какъ бы отъ далекаго грома, когда Онъ сказалъ: «Да будетъ свѣтъ!». Какъ земля сама загорѣлась, освѣщая Ему все то, что Онъ творилъ; какъ Она протянула свою десницу — и явилась земля, какъ небо явилось Богу. Она загорѣлась, подобно полному вѣтромъ парусу, и вѣтеръ былъ вѣтеръ любви. Она не знала о чемъ и какъ изъ Его деснѣ вылетѣла жизнь. Какъ земля разступилась, давая дорогу солнцу, и небо блистало, загроможденное цвѣтками и зелеными кронами молодыхъ деревьевъ. И Онъ сотворилъ свѣтила и устроилъ ихъ на небѣ, дабы они показывали время; и часы жизни стали проноситься въ длинныхъ одѣяніяхъ, какъ уже улетѣли за ними, годы, дни и часы, и они не знали, что это свѣтъ. А изъ морскихъ волнъ выступили огромныя черныя черепахи и малыя рыбки плескались между ними. На деревьяхъ и въ порхахъ нестрия птицы съ длинными разноцвѣтными хвостами; онѣ щебетали и пѣли, такъ что голубы остановились въ своемъ теченіи и стали прислушиваться къ ихъ пѣнію. На дугахъ появились стройныя животныя, и они скакали на своихъ тонкихъ ногахъ и лакомились листьями; они быстро размножались, и между ними были и совсѣмъ большыя, и совсѣмъ маленькія, исчезающія сейчасъ-же, послѣ своего появленія, въ высокой травѣ. И такъ наполнилась земля, и Господь

Ю. Б. С. Л. Б. Л. О. Ж. П. Ч

ЖАРЪПТИЦА С В И Р Ъ Л Ъ А
С Л А В Я Н И Н А

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

съ радостью оглядывалъ Свое созданіе. Его взглядъ упалъ на гладь моря, и Онъ увидѣлъ на ней отраженіе Своего лика. Тогда въ Немъ еще разъ проснулась творческая мысль, и Онъ создалъ существо, которому отдалъ во владѣніе всю землю и все, что на ней было. И тогда Онъ опочилъ и глядѣлъ внизъ на землю, взоромъ, который притягивалъ къ себѣ и деревья, и горы, и травы, морскія волны, глаза первой человѣческой четы и руки ея.

И я выросъ до неба и замѣтилъ, что чужая дѣвушка выросла, подобно мнѣ, и что она стоитъ возлѣ меня, восхваляя вмѣстѣ со мной Бога и Его твореніе. Но ростъ мой мнѣ казался слишкомъ исполинскимъ и я, желая опять стать малымъ, скользнулъ внизъ вдоль тѣла дѣвушки, опустился предъ ней на колѣни и заплакалъ, цѣлуя ея ноги. Она же гладила мои волосы, и я чувствовалъ, что ея нѣжный взоръ съ улыбкою покоится на мнѣ. Луна мнѣ тоже улыбалась, и вся природа явилась мнѣ въ новомъ свѣтѣ, потому что я чувствовалъ, что я о ней только-что цѣлъ.

Мать игуменья, я болѣе—не пастухъ! Я пришелъ къ этому заключенію сегодня утромъ, когда я проснулся и замѣтилъ, что все вчерашнее еще существуетъ и что всѣ слова и звуки все еще такъ расположены предо мной, какъ будто бы я разложилъ ихъ вчера во время своей пѣсни въ томъ порядкѣ, въ которомъ я ими пользовался. И, проснувшись, я почувствовалъ, что на моихъ устахъ покоится утренняя заря, готовая перейти въ солнечное сіяніе; что на моей ладони лежитъ капля росы, которую я долженъ превратить въ море. Въ море... Дѣвушки я больше не видѣлъ, такъ какъ она удалилась въ то время, когда я спалъ. Но я не боюсь за нее: мнѣ кажется, что она никогда не встрѣтитъ моря, черезъ которое она не могла бы перейти.

Перев. А. Эліасбергъ.

ОБЪ АФОРИЗМАХЪ.

Изъ книги «Мысли-своды».

I.

Афоризмъ весьма часто уживался рядомъ съ силлогизмомъ, хотя и не разъ побѣждалъ его, какъ Давидъ Голиава. Только то, что боится электрической силы мысли, тысячекратно разросшейся въ своемъ пути черезъ всю цѣпь логическихъ звеньевъ, только то, что оказывается плохимъ проводникомъ мысли, этой непобѣжденной нами электрической искры, боится живой цѣпи силлогизмовъ. За это мы и клеймимъ такую мысль позорнымъ названіемъ „парадоксъ“!

II.

Афоризмъ — лишь форма выраженія мысли; афоризмъ — это импрессионизмъ мышленія, это—логика пятенъ, изломанныхъ линий, это—стиль, одаренный жестикуляціей. Между тѣмъ, какъ ритмическое теченіе стройнаго, стремящагося къ симметріи, потока мыслей—всегда отзывается чѣмъ-то классическимъ...

III.

Афоризмъ всегда выражалъ или слишкомъ мало или слишкомъ много. Онъ всегда или совершенно точенъ, сообщая намъ какъ бы самый трепетъ еще не вызванной изъ мозга мысли, или туманенъ и негоденъ, какъ всякая случайная форма. Но онъ всегда субъективенъ, онъ болѣе правдивъ и почти всегда болѣе живописенъ, даже пластиченъ. Быть можетъ, сложный потокъ мыслей болѣе музыкаленъ, но слову легче быть музыкальнымъ (сущность слова—ритмъ), чѣмъ пластичнымъ; слову и мысли всего труднѣе быть живописнымъ, ибо слово — не болѣе, какъ звукъ, еще труднѣе быть пластичнымъ, ибо слово — не болѣе, какъ символъ, а возможны ли пластическіе символы и притомъ живые, трепетные, сохраняющіе въ себѣ всю теплоту воспламененнаго мозга? Поэтому мы и любимъ афоризмъ, какъ самую рѣдкую форму мышленія.

IV.

Искусство творить афоризмы—уже импровизація, уже послѣдняя власть доступнаго намъ творчества. Афоризмъ—отдѣльный аккордъ, столь необходимый современной душѣ, переполненной музыкой и, что еще существеннѣе, музыкальностью. Душѣ осенней, гибнущей отъ чрезмѣрности, уму, слишкомъ зрѣлому, который всего болѣе боится упасть съ древа познанія Добра и Зла при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему, — афоризмъ дорогъ и даже единственно-

понятенъ, именно тѣмъ, что онъ одновременно говоритъ и слишкомъ много и слишкомъ мало!

v.

Есть еще несравненное свойство афоризма; это — его глубочайшая интимность. Развѣ не кажется намъ, пробѣгая вереницы этихъ самостоятельныхъ мыслей, завитыхъ въ кольца, что это — наши собственные мысли? Мы не можемъ, даже безсознательно, не прибавлять къ нимъ недостающія звенья... Афоризмъ стираетъ границу между писателемъ и читателемъ, онъ всего болѣе и всего острѣе будитъ и волнуетъ нашу собственную мысль. — Лишь тотъ, кто позналъ весь ужасъ необходимости доказывать свою мысль и доказывать неизвѣстному лицу, словомъ — всякій, кто знаетъ, что въ 90 случаяхъ изъ 100 всѣ доказательства лишь — стѣна, воздвигаемая между нами и нашими читателями, за которой не легко различить звуки словъ, всякій, кто сознаетъ великую опасность современнаго писателя „многострунной культуры“ утонуть въ собственной рѣчи, — согласится со мной, что афоризмъ — единственный путь къ интимному общенію душъ.

vi.

Каждыя двѣ, рядомъ стоящія, мысли или затѣняютъ или слишкомъ освѣщаютъ другъ друга; зажигая сразу люстру, мы не можемъ опредѣлить силу свѣта каждой свѣчи. Между тѣмъ, каждая отдѣльная мысль — самобытна, не повторяема и имѣетъ право на единичное бытіе. Между всѣми мыслями — врожденный антагонизмъ. Замыкая ихъ въ стройныя фигуры, мы насилуемъ ихъ, обезцвѣчиваемъ ихъ, мы лишаемъ ихъ первой свѣжести, дѣвственности и естественной формы; срывая и сплетая ихъ, мы стряхиваемъ съ нихъ росу, мы мнемъ ихъ нѣжнѣйшіе лепестки... и онѣ увядаютъ. Огромное большинство нашихъ книгъ въ лучшемъ случаѣ — гербаріи, въ худшемъ — стога сѣна, и весьма часто уже подгнивающего.

vii.

Кто любитъ въ природѣ каждый отдѣльный цвѣтокъ, станетъ ли тотъ собирать букетецъ? Развѣ букетъ не стремится стать самъ однимъ исполинскимъ цвѣткомъ, превращая всѣ цвѣты въ свои лепестки? Развѣ самыя роскошныя ожерелья не извращаютъ мельчайшіе отбѣнки въ блескъ cadaго отдѣльнаго камня? Развѣ оправа не лишаетъ аметисты, брилліанты и опалы ихъ естественнаго блеска, который — единственно-возможная форма для выясненія скрытой въ нихъ идеи?.. Развѣ гирлянды и букеты отдѣльныхъ мыслей, искусственно связанные, развѣ самыя удивительныя ожерелья, нанизанныя и вправленные въ холодъ чувствъ, уже остывшихъ мыслей,

не искажаютъ цвѣта, вида и единственнаго смысла каждой изъ нихъ? Для насъ, людей „осенней культуры“, поэтовъ увядающей красоты, уже давно пережившихъ и первые, бѣлые, весенніе букеты и стройные, пышные золотые снопы, желанны и дороги лишь наши свободно-несущіяся въ предсмертной пляскѣ — наши послѣднія чувства и мысли, подобныя листьямъ осени. Пусть же наши предсмертные мысли соткутъ золотой саванъ человѣчеству.

vii.

Афоризмъ всего болѣе опьяняетъ; онъ же обладаетъ даромъ и отрезвлять... Онъ подобенъ то глотку самаго крѣпкаго вина, то внезапному прикосновенію льда.

ix.

Развѣ не въ формѣ афоризма вошло въ міръ все безсмертное? Притчи, эпитафій, всѣ заповѣди и всѣ лучшіе законы, всѣ боевые лозунги и всѣ самыя злыя эпиграммы — развѣ это не безконечное разнообразіе все той же афористической рѣчи?

x.

Развѣ „дьяволъ извращенности“ могъ бы войти въ нашъ разумъ инымъ путемъ, какъ не черезъ сложнѣйшія сочетанія отдѣльныхъ звеньевъ логической цѣпи, черезъ технику и механику мысли? Развѣ не въ сочетаніи мыслей — корень всякой софистики?

xi.

Э. По утверждать, что „длинная поэма“ не должна и не можетъ существовать. Поэтому онъ не могъ высоко цѣнить эпосъ, всегда полный приливовъ и отливовъ поэтическаго настроенія, всегда лишенный единства сужденія. Развѣ не въ правѣ мы то же самое сказать и о длинныхъ трактатахъ всѣхъ вѣковъ? Этому „эпосу мысли“ мы должны противопоставить „лирику мысли“, т.-е. афоризмъ. Развѣ „эпосъ мысли“ не исчерпалъ себя въ наши дни? Развѣ не правъ былъ Ф. Ницше, противопоставившій „міру“ Шопенгауэра свое „философствованіе съ помощью молотка“?

xii.

Итакъ, хвала афоризму! Хвала ему, какъ самой интимной, самой живописной, самой изысканной и самой понятной намъ рѣчи! Гордость современнаго человѣка въ томъ, чтобы говорить кратко и изысканно, ибо ему всего болѣе приходится говорить о своихъ страданіяхъ. Развѣ любой мудрецъ не въ правѣ считать себя удовлетвореннымъ, если послѣ него не умретъ хотя бы одинъ, единственный, созданный имъ афоризмъ?

ЛИТЕРАТУРА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ.

1.

Въ „Товарищъ“ (№ 352 отъ 23 авг.) помѣщена знаменательная статья А. Горнфельда „Торжество побѣдителей“—о побѣдахъ „декадентовъ“. Г. Горнфельдъ признаетъ, что ихъ побѣда—„внѣ сомнѣнія“, если, конечно, считать побѣдой то, что „леваваны прессы начинаютъ заигрывать съ символистами“, что о К. Бальмонтѣ, Валеріи Брюсовѣ, Андреѣ Бѣломѣ, А. Блокѣ и др. пишутъ хвалебные фельетоны, что ихъ произведенія появляются на страницахъ „Образованія“, „Міра Божія“, „Русской Мысли“, даже „Нивы“ и разныхъ распространенныхъ газетъ... Однако, г. Горнфельдъ тотчасъ указываетъ, что цѣна такой побѣды не велика. „Если „чернь непросвѣщенна“,—пишетъ онъ, — заблуждалась, не признавая декадентовъ, то какая цѣна ея признанія? Стоило ли такъ долго объявлять себя поэтами для немногихъ, чтобы затѣмъ такъ радоваться вниманію толпы? Толпа все та же. Если она теперь цитируетъ Брюсова, то не потому, что пришла къ нему отъ Фета. Она безъ вчерашняго дня. Не многого стоитъ легкая и поверхностная побѣда надъ нею: это побѣда моды“.

Въ оцѣнкѣ побѣды „декадентовъ“ г. Горнфельдъ, на нашъ взглядъ, правъ безусловно. Дѣйствительно, читатели, пришедшіе къ Бальмонту и Брюсову не черезъ Пушкина, Баратынскаго, Тютчева, Фета,—не ихъ читатели, хотя бы и знали стихи Бальмонта и Брюсова наизусть. Творчество „декадентовъ“ было необходимой стадіей въ развитіи литературы XIX вѣка, и внѣ связи съ основными явленіями

этой литературы понято быть не можетъ. Надо привить себѣ цѣлебныя яды Эдгара По, Бодлѣра, Ницше; надо не по-школьному, а всей душой усвоить себѣ созданія величайшихъ поэтовъ прошлаго, чтобы получить право читать „декадентовъ“. Отъ Скитальца къ Сологубу легко перейти въ библіотекъ,—можетъ быть, они и стоятъ тамъ даже на одной полкѣ,—но, чтобы наполнить пропасть между стишками Скитальца и творчествомъ Ѳ. Сологуба, надо прожить жизнь!

Однако, г. Горнфельдъ, правильно оцѣнивъ побѣду „декадентовъ“, очень ошибается, думая, что сами „декаденты“ цѣнятъ ее иначе и готовы думать, что „чернь“ внезапно стала культурной, только потому, что покупаетъ „Нечаянную Радость“. Г. Горнфельда, повидимому, ввели въ заблужденія хвастливыя выходки той части „декадентовъ“, которую всего справедливѣе было бы назвать „декадентскою чернью“ (ибо и „декадентство“ оказалось не избавленнымъ отъ этого класса людей). Эти низы группы, можетъ быть, и исполнены ликованія, но у серьезныхъ дѣятелей „новаго искусства“ нѣтъ иного отношенія къ „побѣдѣ“, какъ то, которое, семь лѣтъ назадъ, было предсказано Вал. Брюсовымъ (въ „Tertia Vigilia“):

Но настанетъ мнгъ—я вѣдаю—
Побѣдятъ мои друзья,
И надъ жалкой ихъ побѣдою
Засмѣюсь первымъ я.

„Побѣда декадентовъ вѣдъ сомнѣній“! Публика, презрительно бросавшая лучшія книги „декадентскихъ“ поэтовъ, теперь охотно раскупаетъ ихъ новые сборники, гдѣ многіе—увы!—только слабо повторяютъ себя... Настало время тѣмъ изъ нихъ, кто сохранилъ смѣлость взгляда и готовность на новую борьбу,—горько смѣяться!

II.

Оставляя въ сторонѣ „побѣду“ „декадентовъ“, г. Горнфельдъ останавливается въ своей статьѣ на другомъ явленіи, совершающемся въ „декадентствѣ“ — на его дифференціаціи. „Признакомъ болѣе глубокаго торжества,—пишетъ г. Горнфельдъ,—могъ бы быть принципиальный расколъ, дифференціація внутри школы. Это существенно. Безпочвенные не дифференцируются, единообразны только слабые. Дифференцируется только то, что уже отстояло свое мѣсто въ исторіи“. Этой дифференціаціи г. Горнфельдъ въ средѣ „декадентовъ“ не видитъ. „Дифференціація поэтическихъ школъ, — по

его мнѣнію,—есть дифференціація стилей. Радикальничаютъ ли въ политикѣ декаденты или служатъ реакціи, богословствуютъ они или кощунствуютъ, порнографятъ по сю или по ту сторону истинной поэзіи—это ихъ домашнее дѣло: это не дѣлаетъ разницы литературныхъ школъ. А въ стилѣ разницы нѣтъ.“

Мы опять можемъ согласиться только съ первой половиной утвержденій г. Горифельда, но совершенно отрицаемъ вторую. Мы тоже думаемъ, что дифференціація внутри литературной школы есть признакъ ея силы, доказательство того, что изъ „партіи“ она стала „міромъ“,—но это явленіе мы въ „декадентствѣ“ видимъ съ несомнѣнностью. Если дифференціація есть „знакъ отличія“, какъ говоритъ г. Горифельдъ, то этотъ орденъ всенародно приколотъ къ груди „декадентства“. Ибо ни въ какомъ случаѣ разница поэтическихъ школъ не есть разница стилей.

Мы называемъ романтиками Новалиса и Байрона, Виктора Гюго и Генриха Гейне, а можно ли, съ самой крайней натяжкой, сказать, что у этихъ четырехъ одинъ стиль? Что общаго въ стилѣ—у Маллармэ, съ его классически правильнымъ стихомъ и намѣренной темнотой изложенія, и у Верлена, съ его наивно-прозрачными, но, зачастую, плохо-написанными пѣснями? Или у Ѡ. Сологуба, съ его строгой чеканкой образовъ, и А. Блока, съ полной расплывчатостью его выраженій? А, между тѣмъ, двухъ первыхъ— французскіе, а двухъ вторыхъ—русскіе критики всегда относили къ одной и той же литературной школѣ, — къ „декадентамъ“! Конечно, подъ „стилемъ“ можно разумѣть не только слогъ, но и всю манеру писать, все приемы творчества; но, какъ ни расширять это понятіе, оно лишь тогда станетъ вѣрнымъ признакомъ для литературныхъ группировокъ, когда совпадетъ съ совершенно другимъ понятіемъ: міросозерцаніе.

Романтики образовывали одну группу не потому, что у нихъ былъ одинъ стиль, а потому, что ихъ настроенія были сходны. „Декадентовъ“ единить не стиль, но сходство и сродство міровоззрѣній. То міровоззрѣніе, которое было дорого всемъ „декадентамъ“, уже достаточно выяснено: это—крайній индивидуализмъ. Это міросозерцаніе и сблизало людей, казалось бы, столь различныхъ, какъ, напр., (у насъ) З. Гиппіусъ и К. Вальмонта, А. Блока и Валерія Брюсова. Конечно, оно отражалось и на „стилѣ“ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ оправдывал, напримѣръ, пресловутую „непонятность“ декадентскихъ произведеній), но, вѣдь, не на стилѣ же преимущественно! И мы вправѣ всехъ крайнихъ индивидуалистовъ называть „декадентами“ и, наоборотъ, всехъ отрекшихся отъ индивидуализма — не считать „декадентами“, хотя бы они и сохранили свой старый, „декадентскій“ стиль.

Теперь спрашивается: сохранили ли „декаденты“ свое прежнее

отношеніе къ индивидуализму? Нѣтъ. Именно вопросъ объ индивидуализмѣ и былъ той точкой, съ которой началось расхожденіе между членами прежде „единой“ школы. Такъ, напримѣръ, „неохристиане“, первые отдѣлившіеся отъ прежняго ядра „декадентства“, искали въ Церкви именно преодоленія индивидуализма. И, поскольку міросозерцаніе „крайняго индивидуализма“ дѣйствительно переживаетъ кризисъ, постольку неизбежна дифференціація въ средѣ „декадентовъ“. Внутреннія противорѣчія того міросозерцанія, которое недавно казалось непреложнымъ, вскрыты: настаетъ время новыхъ переоцѣнокъ и, черезъ то самое—раздѣленія, раскола.

„Декадентство“, наперекоръ мнѣнію г. Горифельда, дѣйствительно дифференцируется, не потому, что отдѣльные его дѣятели вдругъ записали какимъ-то новымъ „стилемъ“, но потому, что вожаки его за достигнутыми высотами завидѣли новыя дали.

III.

Слѣдуетъ, однако, отличать „дифференціацію“ отъ „отступничества“, отъ „хулиганства“ и отъ „провокаціи“. Въ эпоху дифференціаціи—широкій просторъ открывается для разныхъ шарлатановъ и самозванцевъ, и, къ сожалѣнію, ихъ не мало вынырнуло со дна нашего „декадентства“. Лучшая часть дѣятелей новаго искусства, по словамъ Андрея Бѣлаго (см. „Вѣсы“ 1907, № 6, стр. 66)—„не настаивая на вѣчности индивидуализма, трезво сознаетъ трудность его преодоленія безъ профанаціи завѣтовъ великихъ индивидуалистовъ XIX вѣка“. А въ это самое время изъ низовъ доносится каннибальскій вопль: „Мы преодолѣли, мы уже все преодолѣли!“.

Выходъ изъ „декадентства“ нуженъ, но будетъ ли выходомъ, если кто-нибудь, просунувъ носъ въ дверь, тотчасъ выскочитъ обратно и закричитъ: „Я вышелъ! Я вышелъ!“ Ницше жизнью заплатилъ за свое міросозерцаніе, а современные „преодолвватели“ за міросозерцаніе Ницше заплатили рубль съ четвертакомъ въ магазинѣ Суворина и одолѣли всѣ трудности въ одинъ вечеръ. Въ наши дни нѣрѣдко приходится встрѣчать молодыхъ писателей, которые горды тѣмъ, что они, не декаденты, но только потому, что имъ никогда не было подѣ силу понять и осмыслить значеніе „декадентства“. И хочется сказать имъ: „Я самъ отрицаю декадентство, но,—ахъ!—какъ было бы хорошо для васъ, если бы вы были декадентомъ!“

Даже такой серьезный писатель, какъ г. Вяч. Ивановъ, не устоялъ передъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ „декадентству“ и, съ легкостью, которая естественна развѣ какому-нибудь Чулкову, ри-

суеть передъ нами идиллическія картинки будущаго, послѣ „преодоленія индивидуализма“. — „Тогда, — пишетъ онъ, — встрѣтятся нашъ художникъ и нашъ народъ. Страна покроется оркестрами и еимелами для народныхъ сборищъ, гдѣ будетъ пѣть хороводъ, гдѣ въ дѣйствѣ трагедіи или комедіи, диеирамба или мистеріи воскреснетъ свободное миеотворчество“ и т. д. Подумаешь, какъ мило и какъ просто! Почтенный авторъ забылъ упомянуть, когда все это можетъ быть: черезъ четыре тысячи лѣтъ или въ будущемъ году?

„Декадентство“ дифференцируется или, вѣрнѣе, умираетъ: четверть вѣка это — предѣльный возрастъ для жизни литературной школы, и „декадентство“ пережило его (считая отъ своего перваго выступленія во Франціи, въ началѣ 80-хъ годовъ). Но „декадентство“ не можетъ уступить своего мѣста ни наивнымъ проповѣдникамъ еимель въ русскихъ губерніяхъ, ни хулиганамъ, присвоившимъ себѣ отвѣтственное имя анархистовъ, ни безпечнымъ юношамъ, считающимъ, что можно и не задумываться надъ тягостными и все равно не разрѣшимыми вопросами. „Декадентство“ ждетъ, чтобы передать свой скипетръ въ міръ искусства, новой, преемственно съ ней связанной группѣ художниковъ, а, если ему суждено будетъ закрыть глаза раньше ея возникновенія, отвѣтить, какъ Александръ Великій, на вопросъ, кому оставляетъ царство: „Достойнѣйшему“.

В. Бакулинъ.

P. S. Чтобы не быть невѣрно понятымъ, считаю нужнымъ добавить, что я исторію „декадентства“, какъ литературной школы, строго отдѣляю отъ судебъ „символизма“ въ искусствѣ, какъ метода творчества. Символизмъ, свойственный веѣмъ великимъ художникамъ (не исключая даже такихъ натуралистовъ, какъ Золя и Альфонсъ Додэ), только получилъ болѣе широкое примѣненіе въ „декадентской“ школѣ.

В. В.

1.

По примѣру прошлогодняго обзора („Вѣсы“ 1906 г. № 7) мы попытаемся въ настоящей замѣткѣ подвести нѣкоторые итоги нашей текущей исторической литературы. Прежде всего мы остановимся на работахъ, трактующихъ о вопросахъ русской исторіи. И здѣсь съ самаго начала, приходится констатировать печальный фактъ почти полнаго отсутствія появленія какихъ-либо особо цѣнныхъ и солидныхъ трудовъ. Правда, за послѣднее время, развращенный брошюрой, читатель сталъ отвыкать отъ серьезнаго чтенія, но, съ другой стороны—все рѣже и рѣже въ книжныхъ витринахъ виднѣются научныя изслѣдованія, диссертациі и монографіи.

Изъ большихъ общихъ изданій, посвященныхъ русской исторіи, слѣдуетъ отмѣтить коллективный трудъ цѣлаго ряда историковъ—„Исторія Россіи въ XIX в.“ (изд. „Гранатъ“). Пока вышло только три выпуска этого большого и широко задуманнаго изданія, и общее впечатлѣніе отъ нихъ вполне благоприятное. Съ особымъ интересомъ читаются тонко-разработанныя и прекрасно написанныя статьи М. Н. Покровскаго; къ наименѣ удачному принадлежатъ нѣкоторые отдѣлы въ большой главѣ о декабристахъ. Съ виѣшней стороны изданіе исполнено безукоризненно; портреты даны превосходные (хуже подобраны и исполнены портреты во II-мъ выпускѣ).

Середину между популяризацией и специальнымъ сочиненіемъ занимаетъ работа г. Рожкова—„Происхожденіе самодержавія въ Россіи“. Изъ предисловія мы узнаемъ, что авторъ старался какъ можно болѣе сократить научный матеріалъ и сдѣлать свое изслѣдованіе доступнымъ для широкой публики. Приходится пожалѣть о такой операціи автора, такъ какъ цѣли своей онъ не добился; книга не удовлетворитъ ученаго и будетъ скучна для не-специалиста. Кромѣ того, въ ней, на ряду съ краткими и схематичными главами, трактующими объ общихъ условіяхъ развитія государственной власти въ Россіи, имѣется рядъ специальныхъ и основанныхъ на первоисточникахъ главъ по детальнымъ вопросамъ административной

техники (очевидно, основная часть большого „настоящего“ изслѣдованія). Къ безусловно серьезнымъ пробѣламъ книги надо отнести мало-разработанную и ограничивающуюся лишь повтореніемъ всѣмъ извѣстнаго главу о политической идеологіи XVI вѣка.

Переходя теперь къ отдѣльнымъ статьямъ, печатавшимся въ журналахъ и специальныхъ изданіяхъ, мы должны отмѣтить очень интересный этюдъ проф. Платонова—„Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“ (Ж. Мин. Нар. Просв. 1906 г.) Тонкій знатокъ источниковъ эпохи и мастеръ анализа—проф. Платоновъ отвергаетъ существованіе особой ограничительной записи, которой былъ связанъ родоначальникъ новой династіи при вступленіи на престолъ. Тщательно разработанныя детальныя замѣчанія проф. Платонова читаются съ большимъ интересомъ, но они во многомъ не убѣдительны (мнѣніе проф. Платонова встрѣтило уже критику со стороны прив.-доц. Богословскаго, высказавшагося въ „Критическомъ Обзорѣннѣ“, № 1).

Исторіографъ министерства народнаго просвѣщенія г. Рождественскій, напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ и „Ж. Мин. Нар. Просв.“ за текущій годъ рядъ любопытныхъ и основанныхъ на архивномъ матеріалѣ статей по исторіи университетовъ александровской и николаевской эпохи.

Какъ и въ прошлогоднемъ обзорѣ, намъ придется теперь указать на особое оживленіе интереса къ изученію исторіи общественныхъ движеній въ Россіи, особенно—къ изученію недалекаго прошлаго. Интересная брошюра казанскаго профессора Фирсова трактуетъ о „Разновощнѣ, какъ о социологическомъ и психологическомъ явленіи народной жизни“. На ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить новое прекрасное изданіе сочиненій оригинальнаго русскаго историка Шапова, котораго особенно интересовали религіозно-соціальныя движенія русскаго народа.

Въ особой замѣткѣ („Вѣсы“ 1907 г. № 1) мы говорили о богатой литературѣ по „декабристамъ“. Къ сказанному можно прибавить указанія на отдѣльное изданіе и съ дополненіями работы Н. П. Павлова-Сильванскаго—„Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“, на статью его же—„Материалисты 20-хъ годовъ“ („Былое“ 1907, июль) и на начавшійся печатаніемъ (въ журналѣ „Русское Богатство“) рядъ статей В. И. Семевскаго по исторіи политическихъ идей декабристовъ.

Много цѣннаго матеріала, воспоминаній, документовъ, а также статей по исторіи общественнаго движенія 60—80 годовъ (представлены и событія „вчерашняго дня“) даетъ журналъ „Былое“. Въ этомъ прекрасномъ журналѣ были кое-какіе недостатки: такъ, уже слишкомъ много мѣста удѣлялось довольно однообразнымъ и

однотоннымъ воспоминаніямъ о тюремной жизни. Въ настоящее время журналъ расширяетъ свои предѣлы и отводитъ широкое мѣсто различнымъ вопросамъ прошлаго нашего общественнаго и культурнаго развитія.

Закончился русскимъ легальнымъ изданіемъ большой и незамѣнимый для изслѣдователя сборникъ матеріаловъ подъ редакціей г. Базилевскаго-Богучарскаго—„Государственныя преступленія Россіи въ XIX в.“. Въ качествѣ приложенія къ нему даны не менѣе цѣльныя перепечатки изъ революціонной журналистики 60—70 годовъ.

Интересно составленъ и своевременно вышелъ сборникъ „Галерея шлиссельбургскихъ узниковъ“; здѣсь въ рядѣ статей и характеристикъ, написанныхъ специалистами, передъ читателемъ проходить „стая славная“ борцовъ недалекаго прошлаго.

Изъ появившихся матеріаловъ по исторіи движенія за послѣднія 25—30 лѣтъ отмѣтимъ важныя, какъ историческій документъ, воспоминанія Аптекмана о „Народной Волѣ“, Лядова — „Исторія россійской социаль-демократической рабочей партіи“, „Исторія совѣта рабочихъ депутатов“, составленную участниками, любпытную публицистическую хронику кадетскаго лидера Милюкова—„Годъ борьбы“ и, какъ параллель къ ней, книгу социаль-демократа Троцкаго—„Наша революція“.

п.

Переходя къ работамъ, посвященнымъ всеобщей исторіи, мы должны отмѣтить, что въ этой области историками сдѣлано гораздо больше, чѣмъ въ области русской исторіи. Изъ большихъ спеціальныхъ работъ надо прежде всего упомянуть о новой книгѣ А. Н. Савина — „Англійская секуляризація“. Авторъ названной работы уже пользуется извѣстнымъ авторитетомъ, какъ авторъ ученаго изслѣдованія объ англійской деревнѣ эпохи Тюдоровъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ сочиненіи постоянно приходится считатьъ ся съ громадной эрудиціей автора, съ его широкой начитанностью въ источникахъ, съ его тонкимъ аналитическимъ методомъ и интересными попытками изящныхъ синтетическихъ построеній. Г. Савинъ—ученикъ „Виноградовской школы“, и все отличительныя черты метода своего учителя онъ перенесъ на свои работы. Потому первые отдѣлы, посвященные детальнѣйшему разбору „Valor Ecclesiasticus“, какъ историческаго источника, являются однимъ изъ лучшихъ образцовъ исторической критики источниковъ. Характеризуя монастырское хозяйство наканунѣ секуляризаціи, а затѣмъ и ходъ самой „диссолюціи“, авторъ, оперируя надъ сложными и кропотливыми вычисле-

ніями, приходитъ къ важнымъ выводамъ. Съ большимъ интересомъ читаются краткія, къ сожалѣнію, страницы посвященныя общей характеристикѣ абсолютистическихъ стремленій Тюдоровъ.

Изъ „Виноградовской школы“ вышла и другая научная новинка нынѣшняго года—диссертація М. М. Хвостова— „Исторія восточной торговли греко-римскаго Египта“. Настоящая работа является первымъ выпускомъ задуманныхъ авторомъ изслѣдованій по исторіи обмена въ эпоху эллинистическихъ монархій и римской имперіи. Можно вполнѣ привѣтствовать выборъ темы и постановку вопроса, такъ какъ до сихъ поръ мало-разработанная социальное-экономическая исторія эллинизма, несомнѣнно, стоитъ на очереди. Въ первомъ томѣ своихъ изслѣдованій авторъ обстоятельно, на основаніи тщательнаго обслѣдованія источниковъ, изучаетъ вопросъ о восточной торговлѣ птоломеевскаго и римскаго Египта (особенно подробно разработана большая вторая глава „Торговля въ бассейнѣ Краснаго моря и Индійскаго океана“). Образцовая въ методологическомъ отношеніи работа г. Хвостова является цѣннымъ научнымъ вкладомъ; въ упрекъ автору можно поставить лишь излишнюю детализацію изложенія, часто даже утомляющую читателя.

Г. Митрофановъ взялъ темой для своего обширнаго научнаго изслѣдованія „Политическую дѣятельность Юсіфа II“. Австрійскій императоръ-реформаторъ является, несомнѣнно, самымъ типичнымъ и стильнымъ представителемъ такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма“. До сихъ поръ его жизнь и дѣятельность еще мало изучены, и книга русскаго ученаго является чрезвычайно цѣнной и умѣстной. Г. Митрофановъ, работая надъ архивнымъ матеріаломъ, далъ очень обстоятельную работу по поставленной темѣ. Авторъ подробно рисуетъ перипетіи той ожесточенной борьбы, которая возникла между молодымъ монархомъ и сторонниками его идей съ цѣлой кликой враговъ.

Паденію абсолютизма въ Западной Европѣ посвящены яркіе, публицистически написанные очерки г. Тарле (печатались сначала въ журналѣ „Міръ Божій“; отдѣльное изданіе въ серіи „Свободное Знаніе“). Авторъ задался цѣлью представить, на основаніи сравнительно-историческихъ данныхъ, общую картину различныхъ процессовъ паденія абсолютизма; но оперируетъ, главнымъ образомъ, авторъ на фактическомъ матеріалѣ, почерпнутомъ изъ исторіи Франціи.

Въ прошлогоднемъ обзорѣ мы упоминали о первомъ томѣ большого труда проф. М. М. Ковалевскаго подъ громоздкимъ названіемъ: „Отъ прямого народоцравства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму“. За первымъ томомъ послѣдовали второй и третій (въ скоромъ времени ожидается и четвертый); и, такимъ образомъ, русскій читатель получитъ интересный общій

трудъ по исторіи политическихъ учений („Исторія политическихъ учений“ Чичерина лишена совершенно исторической перспективы, да и значительно устарѣла). Во второмъ томѣ авторъ подробно останавливается на политическихъ теоріяхъ монархомаховъ (которыхъ онъ почему-то переводитъ „монархо-дѣлатели“), но центральное мѣсто отводитъ подробно разработаннымъ и чрезвычайно цѣннымъ этюдамъ по исторіи политическихъ и религиозныхъ идей англійской революціи. Третій томъ названнаго труда посвященъ Монтескье и Руссо (впрочемъ, Руссо разобранъ не весь; ему еще будетъ удѣлено мѣсто въ четвертомъ томѣ).

Проф. Карѣевъ выпустилъ курсъ лекцій, читанныхъ въ Петербургскомъ Политехникумѣ, — „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ“. Настоящій курсъ стоитъ въ преемственной связи съ предшествующими курсами о государствѣ - городѣ античнаго міра и монархіяхъ древняго міра. Настоящая книга, составленная съ обычнымъ умѣньемъ автора, знакомящая насъ по новѣйшимъ работамъ съ основными явленіями средневѣковаго общественнаго строя, является чрезвычайно полезной и заслуживаетъ распространенія.

Нѣсколько смѣшанное впечатлѣніе производитъ большая работа г. Кулишера — „Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ“, томъ I-ый. Въ этой работѣ авторъ даетъ довольно подробный очеркъ исторіи торговли съ первобытныхъ временъ до XVIII вѣка и, какъ общая компиляція, очеркъ составленъ недурно. Но г. Кулишеръ совершенно лишенъ оригинальнаго творчества, да и не всегда удачно справляется съ имѣющимися пособиями. Очеркъ о торговлѣ въ древнемъ мірѣ (причемъ авторъ защищаетъ теорію Бюхера) составленъ крайне слабо. Въ главахъ, посвященныхъ средневѣковой торговлѣ и довольно полно представленныхъ, авторъ, наряду съ новѣйшими сочиненіями, пользуется устарѣлымъ и всецѣло зависитъ отъ источниковъ своего „вдохновенія“. Болѣе благоприятное впечатлѣніе производитъ отдѣлъ о промышленности въ XVI и XVII в. Работу г. Кулишера отнюдь нельзя назвать изслѣдованіемъ, но, какъ добросовѣстная компиляція, какъ богатое собраніе фактическаго матеріала, она можетъ оказаться небезполезной.

Въ серіи Брокгаузъ-Ефрона „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ“ (подъ ред. Карѣева и Лучинскаго) вышла книга Аванасьева — „Исторія Ирландіи“. До сихъ поръ на русскомъ языкѣ, кромѣ диссертациі проф. Мануйлова и статей г. Тарле, не было работъ по исторіи Ирландіи. Довольно популярно написанный, составленный по новѣйшимъ работамъ, общій очеркъ г. Аванасьева можетъ заполнить существующій пробѣлъ и служить для первоначальнаго знакомства.

Изъ книгъ по „культурной“ исторіи укажемъ на книгу Сперанскаго—„Вѣдьмы и вѣдовство“ (напечатано ранѣе въ видѣ статей въ журналѣ „Научное Слово“). Эта книга, составленная по нѣсколькимъ нѣмецкимъ и французскимъ работамъ, представляетъ нѣкоторый интересъ для русскаго читателя, мало знакомаго съ средневѣковой демонологіей и съ вѣдовскими процессами XVI вѣка.

Извѣстный знатокъ античной культуры проф. Зѣлинскій выпустилъ третій томъ своихъ высоко-интересныхъ этюдовъ „Изъ жизни идей“. Въ этомъ томѣ, озаглавленномъ „Соперники христіанства“, особое вниманіе обращаетъ любопытная и оригинальная работа о Гермеевѣ Трисмегистѣ.

Изъ отдѣльныхъ статей слѣдуетъ отмѣтить изящный этюдъ проф. Гревса о средневѣковомъ міросозерцаніи (приложенъ въ качествѣ вступленія къ русскому переводу книги Эйкена — „Исторія и система средневѣковаго міросозерцанія“), интересную статью Д. Н. Егорова—„Идея турецкой реформаціи въ XVI вѣкѣ“ („Русск. Мысль“, 1907 г.), лекцію проф. Виппера—„Съ востока свѣтъ!“, статьи г. Квачала о Кампанеллѣ („Ж. М. Н. Пр.“). Изъ изданій источниковъ особенно цѣннымъ является превосходное, научное, исполненное подъ общей редакціей проф. Виноградова изданіе „Lex Salica“; вся работа и весь научный аппаратъ исполнены специалистомъ—Д. Н. Егоровымъ.

Изъ трудовъ, посвященныхъ археологій, надо указать на роскошное изданіе Константинопольскаго Археологическаго Института — „Раскопки въ Болгаріи“ (близъ Абобы). Раскопки эти, ведшіяся подъ непосредственнымъ руководствомъ академика Успенскаго, даютъ много новаго матеріала и съ несомнѣнностью устанавливаютъ тюркское происхожденіе болгаръ. Одесскій проф. фонъ-Штернь выпустилъ чрезвычайно любопытную работу—„Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи“; въ этой работѣ намѣченъ цѣлый рядъ важныхъ и сложныхъ вопросовъ, связанныхъ со столь интересующей теперь всѣхъ археологовъ „микенской“ культурой. Въ „Журн. Мин. Нар. Пров.“ печатались интересныя статьи недавно умершаго проф. Модестова—статьи, долженствующія составить третій томъ „Введеніе въ римскую исторію“. Очень важные вопросы въ области археологическаго изученія нашего Черноморскаго побережья намѣчаетъ проф. Ростовцевъ въ статьѣ „Керченская декоративная живопись и ближайшія задачи археологическаго изслѣдованія Керчи“ („Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1906 г.).

А. Купринъ. Разказы. Томъ I, изд. 3-е.—Томъ III, изд. 2-е.
К-во „Міръ Божій“. Спб. 1907. Ц. по 1 р.

„Художнику нуженъ успѣхъ“
Евг. Анчиковъ о Купринѣ.
(„Вѣсъ“ 1907 г. № 1).

Г. Купринъ не можетъ пожаловаться на недостатокъ успѣха у публики. Если художнику нуженъ только успѣхъ, онъ долженъ считать себя удовлетвореннымъ. Недавно появившійся III томъ его разказовъ уже отпечатанъ вторымъ изданіемъ. Первый томъ уже выдерживаетъ третье.

Мы ничего удивительнаго въ такомъ успѣхѣ писателя, рекомендованнаго „Знаніемъ“, не видимъ, особенно принимая въ соображеніе, что г. Купринъ является и авторомъ повѣсти „Поединокъ“—тенденціознѣйшей вещи, какую когда-либо дала партійная беллетристика или художественная публицистика.

Однако, кромѣ „Поединка“ и еще нѣсколькихъ разказовъ („Обида“, „Убійца“), которые безапелляціонно должны быть отнесены къ разряду газетныхъ фельетоновъ и политическихъ памфлетовъ, у г. Куприна имѣется достаточное количество произведеній, не безъ основанія претендующихъ на названіе художественныхъ. Въ нихъ авторъ обнаруживаетъ умѣніе нарисовать картину, связать рядъ картинъ въ одно единое цѣлое. И это цѣлое не является тогда лишь оконченѣлымъ трупомъ, которому авторъ стремится дать иллюзію жизни, подъ вліяніемъ гальваническаго тока. Эти образы воистину одухотворены дыханіемъ жизни; сквозь ихъ внѣшнюю оболочку просвѣчиваетъ съ достаточной яркостью то, что является единымъ содержаніемъ всякаго художественнаго произведенія—творческая личность постигшаго ихъ сущность, сведшаго ихъ многообразность къ единству. У нихъ есть свое истинно-художественное содержаніе.

Но тутъ мнѣ приходится сдѣлать рѣзкую, почти уничтожающую оговорку.

Пушкинъ написалъ „Памятникъ“, въ которомъ заимствовалъ у

латинскаго поэта не только всю форму, не только все внѣшнее, начиная съ фабулы, аллегорій, образовъ и движенія стиха, но даже и самый стиль, то неопредѣлимое, что наиболѣе характеризуетъ личность поэта въ его сознаниі, — и, тѣмъ не менѣе, кто же усомнится сказать, что этотъ „Памятникъ“ — все же пушкинскій „Памятникъ“, что въ гораціевы формы онъ влилъ содержаніе своего собственнаго „я“? Въ разсказахъ г. Куприна мы видимъ явленіе, прямо противоположное этому. Г. Купринъ, не заимствуя у своихъ предшественниковъ формы, почти всегда пользуется чѣмъ-либо готовымъ содержаніемъ, этимъ основнымъ „что“ всякаго художественнаго произведенія. Творческая личность, постигающая сущность вещей, сводящая ихъ многообразіе къ единству — у него въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ чужая. Ни подъ однимъ изъ его разсказовъ не хочется видѣть его подписи. Въ Купринѣ, прежде поэта, живетъ актеръ, исполняющій ту или иную симпатичную ему роль. Хорошо или дурно, однако, по своему онъ играетъ Чехова и Горькаго, Андреева или Тургенева.

Было бы несправедливо назвать это просто подражаніемъ. Подражатель прежде всего поддѣлывается подъ чужую личность въ формѣ. Г. Купринъ перенимаетъ въ чужомъ произведеніи то, что составляетъ основной моментъ цѣлаго, центръ общаго впечатлѣнія. Есть въ каждомъ художественномъ произведеніи этотъ „моментъ“, въ которомъ — тайна соприкосновенія души творческой съ душой пріемлющей. Онъ — внѣ cadaго изъ тѣхъ слагаемыхъ, которыя образуютъ произведеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то звучной нотой, яркимъ лучомъ пронизываетъ ихъ все, поражая духовное зрѣніе читателя, дари откровенія вещей то здѣсь, то тамъ. У Бальмонта есть вещи, въ которыхъ малѣйшій изломъ стиха, сочетаніе двухъ-трехъ согласныхъ и гласныхъ, освѣщаютъ вдругъ пронзительнымъ лучомъ таинственный мракъ вѣчнаго, лучомъ, передъ которымъ прочее, — и самый стихъ, и образъ, и все — только аксессуаръ, только случайное. Все остальное можетъ видоизмѣняться, какъ коэффициенты алгебраическаго выраженія, но все исчезнетъ, съ уничтоженіемъ этого центрального x . Вспомнимъ у Чехова свѣтящійся осколокъ стекла, создающій всю картину ночи. Пусть будетъ описано все, что вокругъ него, но онъ и ничто иное создаетъ картину.

Г. Купринъ измѣняетъ все коэффициенты при этомъ x въ заимствованномъ у другого. Измѣняетъ ихъ вѣрно, удачно. Знакъ равенства въ уравненіи всегда остается на своемъ мѣстѣ. Но на своемъ мѣстѣ остается у него и этотъ таинственный x съ тѣмъ же, ему присущимъ, значеніемъ. Все коэффициенты измѣнены у него въ разсказѣ „На покой“ въ сравненіи съ „Призраками“ Л. Андреева, — а таинственный неизвѣстный остается тотъ-же — андреевскій. Точно сыгралъ роль Л. Андреева въ самостоятельно написанной для этого

пъесь. „Собачье счастье“ — такая же пьеса, чтобы сыграть роль М. Горькаго. „Походъ“ — весьма удачная вещь: въ ней есть все, что нужно, ничего лишняго, все художественно вѣрно, но... все то, для чего должна существовать эта вещь, находимъ (и находимъ ярче) — въ „Поцѣлудъ“ А. Чехова.

У Курина нѣтъ личности, но у него есть форма, богатая, красивая форма. Это — модусъ творчества безъ творческой субстанции. Куринъ — обрабатывающая сила, лишенная матеріала для обработки. Подсудимый сознаетъ въ душѣ своей неизбежно существующую правду своего преступленія лучше, чѣмъ самый проникновенный защитникъ. Но всегда ли въ силахъ проявить ояъ ее въ формѣ, ясной для всѣхъ? Ему нуженъ такой проявитель его неисповѣдимой правды.

Но нуженъ ли такой истолкователь Горькому и Чехову, Тургеневу и Андрееву?

А. Куринскій.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Ч. I—III. Библиотека „Свѣточа“. Спб. 1907. Цѣна по 1 руб.

Степнякъ извѣстенъ въ литературѣ, прежде всего, своимъ романомъ „Андрей Кожуховъ“, гдѣ ярко сказалась фізіономія Степняка, какъ человѣка, одареннаго желѣзной волей, фанатическимъ героизмомъ, и какъ писателя, лишеннаго всякаго стила, оригинальныхъ приѣмовъ творчества и создающаго образы и картины не черезъ созерцаніе и воображеніе, а исключительно черезъ воспоминанія собственныхъ жизненныхъ переживаній.

Выдающийся интересъ, представляемый такой могучей, цѣльной и рыцарски-благородной личностью, каковой являлся Степнякъ, создавшій себѣ славу, какъ мученикъ за идею, какъ личность, стоящая на границѣ нравственной гениальности, не можетъ не отражаться и на его произведеніяхъ, въ которыхъ за слабой художественной формой просвѣчиваетъ живая, необыкновенная личность, переживающая то, что недоступно психологій „средняго человѣка“, и потому волнующая насъ, какъ рѣдкій человѣческой документъ, какъ записка лица, поставленнаго жизнью въ исключительно-захватывающія условія, какъ мемуары современника „роковыхъ минутъ“ міровой исторіи. Этотъ интересъ усиливается еще и тѣмъ, что для насъ, стоящихъ передъ чертой, за которой уже начинается періодъ реального воплощенія социалистическихъ идеаловъ, какъ строго-политической программы, міросозерцаніе Степняка является какъ бы исповѣданіемъ человѣка другой эпохи, именно — трагической эпохи „политическаго романтизма“, уже безвозвратно далекой отъ насъ. Характерной чертой послѣдней являлось соеди-

неніе идеи моральнаго, личнаго совершенствованія съ практикой политической борьбы, сляніе конечныхъ идей-цѣлей развитія индивидуума съ требованіемъ ихъ воплощенія въ формахъ совершеннаго общежитія. Эта доктрина—одна изъ самыхъ наивныхъ и оптимистическихъ попытокъ воплотить символъ; въ устахъ дѣятелей 70 и 80 гг. политическіе термины безсознательно претворялись въ идеи-символы, напр., „народъ“, „община“... Ихъ специфическій словарь—смѣшеніе политико-юридическихъ терминовъ съ интимно-звучащими условными терминами, полными эзотерическаго значенія, родственными терминологіи вѣроисповѣдныхъ катехизисовъ и религіозныхъ сектъ.*

Это смѣшеніе отражало сущность ихъ доктрины: подчиненіе идеи — жизни. Въ ихъ ученіи идея равенства, идея свободы въ конечномъ счетѣ—лишь средство общаго счастья. Отсюда всепроникающій утилитаризмъ и скрытый гедонизмъ народнической философіи; отсюда же неизбежный роковой конфликтъ идейнаго служенія немногихъ, какъ средства, съ утилитарно-матеріальнымъ благополучіемъ всѣхъ, какъ цѣли. Отсюда—преувеличеніе этического содержанія „средняго человѣка“ и безграничная вѣра въ самопроизвольный прогрессъ всѣхъ; отсюда же политическая бездарность и трагическая гибель доктрины.

Для насъ, представителей символизма, какъ стройнаго міросозерцанія, нѣтъ ничего, болѣе чуждаго, какъ подчиненіе идеи—жизни, внутренняго пути индивидуума—внѣшнему усовершенствованію формъ общежитія. Для насъ, чуждыхъ всякаго оптимизма, гордящихся пессимистическими завѣтами А. Шопенгауэра и впитавшихъ горечь трагической культуры нищестанья,—не можетъ быть и рѣчи о примиреніи пути отдѣльнаго героическаго индивидуума съ инстинктивными движеніями массъ, всегда подчиненными (по строгимъ законамъ, открытіе которыхъ—главная заслуга всей современной социологіи) узко-эгоистическимъ и матеріальнымъ мотивамъ; для насъ, одинаково страшящихся какъ романтизма въ жизни, такъ и реализма въ искусствѣ, пережившихъ политически-безплодную гибель этически-лучшихъ людей, которые пытались внести въ сферу политики отвлеченный идеалъ, и переживающихъ огромные политическіе успѣхи современной матеріалистически-мыслящей социаль-демократіи, не можетъ быть рѣчи о социальномъ значеніи искусства, какъ бы не потрясало насъ то или иное отдѣльное произведеніе; мы уже не способны переступать строго-очерченныя границы художествен-

* Лучшимъ воплощеніемъ этой доктрины является извѣстный „Катехизисъ революціонера“, приписываемый Бакунину.

наго созерцанія, единственная цѣль котораго познаніе внутренняго содержанія во внѣшнемъ мірѣ.

Для насъ всего болѣе святъ одинъ неизмѣнный законъ, носящій абсолютный характеръ: объектомъ искусства можетъ быть одинаково все,—какъ доброе, такъ и злое, какъ красивое, такъ и безобразное, какъ великое, такъ и ничтожное; но конечная цѣль искусства и его высшій критерій—лежать за предѣлами нашего міра и его высшая санкція—въ вѣчность. Не къ воплощенію символа идемъ мы, а къ превращенію всѣхъ вещей въ символы. Поэтому на вопросъ, имѣютъ ли художественную цѣнность произведенія Стендаля, мы отвѣчаемъ категорически: „нѣтъ, не имѣютъ!“, признавая за нимъ этическое и общественное значенія весьма большаго.

Прокламація, спиритическій сеансъ, ужасное жизненное происшествіе, молитва—все это можетъ захватывать и потрясать насъ, но только поэтому не дѣлается фактомъ, имѣющимъ художественное значеніе.

Э л л и с ь.

Петръ Пильскій. Р а з с к а з ы. Изд. „Прометей“. Спб. 1907 г. Ц. 1 р.

Книга Петра Пильскаго—для него уже прошлое. Разказы были написаны между 1902—1904 гг., и теперь только вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Но это прошлое—случайная полоса жизни, когда Петръ Пильскій почувствовалъ себя „немного беллетристомъ“ (см. предисловіе).—такъ мало интересно въ литературномъ отношеніи, что къ нему нельзя бы было возвращаться при малѣйшей внутренней самокритикѣ. Ею, къ сожалѣнію, авторъ не обладаетъ, и вотъ передъ нами двѣнадцать разказовъ. О возникновеніи ихъ въ предисловіи говорится, что они были написаны „въ эпоху исканія смысла жизни и смысла смерти“. Этими словами Петръ Пильскій какъ бы опредѣляетъ ихъ философскую основу, и потому, приступая къ разбору книги, прежде всего хочется говорить объ ея идейномъ содержаніи.

Къ вѣчнымъ вопросамъ бытія приближается Петръ Пильскій слегка, словно танцуя. Не взвѣсивая старыхъ понятій и постоянно употребляя давно сказанныя слова только въ звуковомъ ихъ значеніи, безъ всякаго индивидуальнаго углубленія, онъ, конечно, и не можетъ освѣтить ихъ изнутри. А потому и самое разрѣшеніе поставленныхъ вопросовъ пріобрѣтаетъ наивный и поверхностный смыслъ. Въ книгѣ четыре смерти—три самоубійства и одно убійство. Очевидно, именно въ этихъ разказахъ онъ пытается какъ-то разрѣшить для себя проблему смерти.—Вотъ въшаеся псаломщикъ („Что будетъ впереди“). Въ городѣ застрѣлился отъ любви къ провѣжей піанисткѣ сынъ купца. Псаломщикъ,—этотъ автоматически движущійся манекенъ,—исчезаетъ изъ церкви прямо послѣ похоронъ и въ

пается на могилѣ куща. Во всей конструкціи разсказа нѣтъ никакого намека на трагическій конецъ. Псаломщикъ жилъ мирно, иногда выпивалъ съ пріятелями—и вдругъ повѣсилъ. „Какая удивительная исторія,“— скажетъ читатель и въ недоумѣніи покачаетъ головой. Гдѣ же и въ чемъ здѣсь психологическая глубина? И, думается,—тенденція не удалась, а была она, вѣроятно, такова: вотъ иногда, посреди плавнаго и безмятежнаго теченія жизни, человѣкомъ овладѣваетъ чувство бурнаго протеста противъ непонятной законмѣрности явленій и собственной ограниченности въ этомъ замкнутомъ кругѣ. И, чтобы встать лицомъ къ лицу съ послѣдней разрѣшающей правдой, онъ приноситъ кровавую жертву невѣдомому Богу. Но въдь это придуманное истолкованіе, почти гаданіе по малымъ даннымъ! А псаломщикъ такъ и остается нѣмымъ манекеномъ. И смерть его, ничего не объясняя и ничего не углубляя, кажется элементарной авторской выдумкой для благополучнаго исхода разсказа. — Застрѣливается фабричный техникъ Дурновъ. „Все страстиѣ хотѣлъ онъ осмыслить то случайное, угрюмое, неясное, въ чемъ живетъ онъ, что называется міромъ и судьбой, отчего такъ жутко ему и такъ страшно“. Но Дурновъ,—полуидіотъ, у него замедлены психическіе процессы и осмыслить онъ ничего не умѣетъ. Этотъ разсказъ при талантливой и тонкой обработкѣ могъ бы быть болѣе интереснымъ, но къ нему наскоро и грубо придѣланъ совершенно нелѣпый конецъ: Дурновъ дѣлаетъ предложеніе полу-знакомой актрисѣ и, получивъ отказъ, застрѣливается.—Умираетъ еще нѣкій Нарзвовъ. Онъ имѣлъ плохой заработокъ и все читалъ Библію. Застрѣлился онъ на урокъ. Въ карманѣ его жилета нашли записку или, лучше сказать выписку изъ книги Іисуса, сына Сирахова: „О, смерть, отрадень твой приговоръ для человѣка, нуждающагося и изнемогающаго въ силахъ“. Вотъ такъ, жонглируя цитатами изъ Библии и повторяя слово „смерть“ во всѣхъ падежахъ, излагаетъ Петръ Пильскій свое недоношенное трагическое міросозерцаніе.

Что касается „смысла жизни“, то пониманіе его авторомъ такъ и остается для насъ темнымъ. Да и о жизни ли эти разсказы? эти маленькія, довольно точныя фотографіи увядныхъ дамъ, провинціальныхъ репортеровъ, офицеровъ, заброшенныхъ въ глушь? Обо всемъ этомъ однажды уже разсказывалъ Чеховъ. Онъ довелъ до конца изображеніе души средняго русскаго человѣка, который въ переходный моментъ общественной жизни сталъ жестоко томиться своими хроническими недугами. Онъ углубилъ до символа давно знакомые образы,—и его творчество стало окончательнымъ словомъ въ искусствѣ такого рода. А безъ символическаго воспріятія жизни разсказы, въ которыхъ реализмъ—не средство, а единственная цѣль,—прямого касанія къ искусству не имѣютъ.

Художественной формой Петръ Пильскій не владѣть вовсе. Его образы и его эпитеты—банальны; выборъ ихъ безвкусенъ и неряшливъ. Неумѣніе избѣгать однозвучныхъ словъ и выражений на тѣсномъ пространствѣ составляютъ постоянную особенность стиля г. Пильскаго. Мѣстоимѣнія „что“, „который“, „какой-то“, „чей-то“, —такъ и нестрять въ длинныхъ періодахъ, занимающихъ иногда по полъ-страницѣ. Хочется сказать автору: да не угодно ли, наконецъ, опредѣлить—куда же именно? какъ? и чье? Потому что вся суть художественнаго изображенія въ предѣльной четкости того образа, который кажется необходимымъ воплотить.

„То обстоятельство, что я уже три года какъ не тянусь къ разсказу, мнѣ доказало, что художникъ во мнѣ умеръ“, —такъ говоритъ о себѣ въ предисловіи Петръ Пильскій. Но это—заблужденіе. Художникъ не умиралъ. Онъ просто никогда не жилъ въ душѣ Петра Пильскаго. И лучше было бы оставить тлѣть въ безсвѣтныхъ могилахъ старыхъ газетныхъ листовъ эти плоды внезапнаго, но недозрѣлаго вдохновенія, чѣмъ воскрешать ихъ для второй смерти.

Нина Петровская.

Полное собраніе сочиненій Александра Николаевича Радищева. Подъ редакціей С. Н. Тройницкаго. Т. I. Спб. 1907. Ц. 2 р.

По словамъ г. Тройницкаго, главною (и даже исключительно *) цѣлью своей редакторской работы онъ считалъ—„дать возможно болѣе полный и тщательно провѣренный текстъ“ сочиненій Радищева. „Тщательная провѣрка“ свелась на буквальное воспроизведеніе оригиналовъ, со всѣми особенностями стариннаго правописанія, опечатками и даже искаженіями текста, которое, будто бы, можетъ замѣнить editiones principes.

Самая идея подобныхъ изданій кажется намъ сплошнымъ недоумѣніемъ. Для специалистовъ, очень немногочисленныхъ, они не нужны потому, что никогда не замѣнять подлинниковъ; имъ могли бы пригодиться только фототипическія воспроизведенія. При самой тщательной корректурѣ всегда будутъ опечатки и отступленія отъ оригинала. Большую публику, которую и безъ того затрудняетъ старый языкъ и устарѣлые приемы разсказа, такіа буквальныя перепечатки совсѣмъ отпугнутъ отъ чтенія. **

* О другихъ своихъ цѣляхъ, онъ по крайней мѣрѣ, не упоминаетъ въ предисловіи.

** Намъ извѣстно, что нѣсколько разъ возникала мысль напечатать „Путешествіе“ въ переводѣ на современный русскій языкъ.

Въ 1905 г., когда былъ снятъ цензурный запретъ съ „Путешествія“ Радищева, вышло двѣ, якобы, буквальныхъ перепечатки этой опальной книги—г. Суворина и подъ редакціей гг. Павлова-Силванскаго и Щеголева. Несмотря на всѣ добрыя желанія редакторовъ, оба они допустили много отступленій отъ подлинника (во второй, напр., вообще отличающейся большею небрежностью, на стр. 1: богатства—вм. богатство, на стр. 3: воображеніи вм. во ображеніи, стр. 5: пропасть—вм. проспаться, стр. 238: преткновенія вм. претковенія и т. д.). У г. Тройницкаго такихъ отступленій еще больше: на стр. 3, при бѣгломъ сличеніи, мы нашли ихъ 13 (неопытности вм. неопытностію, претили вм. прѣтили, составляющимъ вм. составляющемъ и пр.), на стр. 4—26 (отверсти вм. отверзети, истины вм. истинны, крѣпостью вм. крѣпостію, обучилися вм. обучались, просьбою вм. прозьбою и пр.). Даже такую крохотную статью, какъ „Письмо къ другу“, г. Тройницкій не сумѣлъ прокорректировать мало-мальски внимательно: на стр. 51 мы замѣтили 12 отступленій (1782 вм. 1782-го, работа вм. работы, лубезной вм. любезной, радости вм. радости, и вм. а и пр.), на стр. 52—тоже 12 (передъ „дѣмъ“ пропущено и, тебя вм. тѣбя и пр.), на стр. 53—7 (нашоль вм. нашель, отцомъ вм. отцемъ и пр.), на стр. 54—4 (удустиль вм. успустиль, другія вм. другіе и пр.). Меньше ошибокъ въ „Путешествіи“, но ихъ все-таки больше, чѣмъ въ Суворинскомъ изданіи, съ котораго, повидимому, перепечатывалъ г. Тройницкій.

Такимъ образомъ всѣ три попытки буквальныхъ перепечатокъ главнѣйшихъ сочиненій Радищева оказались неудачными (относительно лучше другихъ—Суворинское изданіе). Этого можно было ожидать заранѣе, потому что редакторы взяли на себя безнадѣжную, слишкомъ кропотливую и, въ сущности дѣла, бесполезную задачу.

Время, затраченное на воспроизведеніе опечатокъ, лучше было бы употребить на выправку испорченнаго мѣстами текста и на объяснительныя примѣчанія. Для этого г. Тройницкій рѣшительно ничего не сдѣлалъ. Онъ не даетъ ни біографіи Радищева, ни библиографическихъ примѣчаній. Произведенія расположены въ порядкѣ не ихъ созданія, а появленія въ свѣтъ; но и этотъ принципъ нарушенъ тѣмъ, что примѣчанія къ переводу „Размышлений“ Мабли отнесены почему-то къ III тому. Перепечатывая переводы сочиненій Ушакова, г. Тройницкій безъ всякихъ оговорокъ исключаетъ переводъ Мабли. Также безъ оговорокъ (кромѣ глухой ссылки на принадлежность „Собранію Великаго Князя Николая Михайловича“) при первомъ томѣ помѣщенъ фантастическій портретъ Радищева, совершенно непохожій на всѣ извѣстные его портреты.

Газетныя доброты, усердно рекламировавшіе это изданіе до выхода его въ свѣтъ и сейчасъ же по отпечатаніи, настойчиво под-

черкивали, что въ редактированіи его „принималъ ближайшее участіе П. А. Ефремовъ“. Въ книгѣ никакихъ указаній на это участіе нѣтъ, да ему и трудно повѣрить въ виду общаго характера изданія.

В. Каллашъ.

Письма темныхъ людей. Переводъ Н. А. Куна, подъ ред. Д. Н. Егорова. Изданіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ. (Источники по исторіи Реформаціи. Вып. 2). Ц. 1 р. 50 к. Москва 1907 г.

Въ ряду источниковъ по исторіи реформаціоннаго времени „Письма темныхъ людей“ занимаютъ видное мѣсто, и редація спеціального изданія поступила вполне правильно, отвѣдя весь второй выпускъ переводу этого интереснѣйшаго памятника. Великое и бурное время—время крупнаго общественнаго переворота и большаго идейнаго движенія нашло себѣ яркое отраженіе въ „Epistolae obscurorum virorum“. Злая и остроумная пародія на „старозавѣтное“, это—въ то-же время гимнъ „новому“, боевой кличъ „новыхъ людей“... „Письма темныхъ людей“—необыкновенно цѣльный и стильный документъ своей эпохи, наиболѣе яркое выраженіе „духа времени“. Для каждаго, интересующагося исторіей нѣмецкаго гуманизма, обязательно знакомство съ этимъ памятникомъ. До сихъ поръ это сильно затруднялось языкомъ подлинника: теперь переводъ (насколько вообще переводъ можетъ замѣнить подлинникъ) значительно облегчить ознакомленіе. Лежащій передъ нами переводъ, исполненный г. Куномъ, можно признать вполне удовлетворительнымъ и добросовѣстнымъ. Задача, выпавшая на долю переводчика, была очень велика и тяжела (даже въ нѣмецкой литературѣ существуетъ лишь одинъ переводъ „Писемъ темныхъ людей“); почти невозможно передать все своеобразие, весь колоритъ памятника, выдержать его особый стиль... Многое, очень существенное и важное, совсѣмъ пропадаетъ въ переводѣ; стройныя и остроумныя литературныя комбинаціи ученыхъ гуманистовъ тускнѣютъ и блекнутъ въ переводѣ на другой языкъ. Но въ предѣлахъ возможнаго русскій переводчикъ сдѣлалъ свое дѣло—и переводъ вполне пригоденъ и для научно-учебныхъ цѣлей и для общаго чтенія. Отмѣтимъ, однако, серьезный недостатокъ—неудачную попытку перевода встрѣчающихся въ письмахъ латинскихъ стиховъ рифмованными стихами. При этомъ пропадаетъ вся оригинальность „варварской латыни“, и, кромѣ того, переводчикъ принужденъ слишкомъ часто уклоняться отъ подлинника (Напр., „Sunt Maquutiae in publica Corona. In qua puer dormivi in propria persona“ переводится; „Въ градѣ Майницѣ тамъ (?) въ гостинницѣ „Короны“ Я поселился (?) въ собственной своей (?) персонѣ (?).“ Или: „Universitas luget suum membrum. Tanquam unam lucernam vel candelabrum Quod logne lateque luxit

Per doctrinam quae ab eo fluxit“ передается: „То плачетъ весь университетъ. О членѣ, разливавшемъ всюду свѣтъ. Ученьемъ какъ фонарь или факель онъ свѣтилъ. И свѣтъ онъ всюду и вездѣ разлилъ“. Или еще: „Sic faciat filius Dei Christus, qui sit vobis clemens et propitiuſ“ переведено „Такъ было (?) съ Божиимъ Сыномъ Христомъ, да будетъ Онъ милостивъ съ вами (къ вамъ?) во всемъ (?)“ и мн. др. Переводчикъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, если-бы „варварскую латынь“ перевелъ прозой и не прибѣгалъ-бы къ „варварской“ римѣ.

Къ пробѣламъ изданія надо также отнести отсутствіе обстоятельнаго вступительнаго этюда и мало удачныя примѣчанія. Общее введеніе редактора изданія г. Егорова написано изящно, но очень кратко; замѣтка же г. Куна подъ длиннымъ заглавіемъ „Споръ о еврейскихъ книгахъ, процессъ Рейхлина съ Кельнцами и Письма темныхъ людей“ составлена крайне блѣдно и безцвѣтно. Встрѣчаются въ текстѣ также досадныя опечатки.

И. Боровдинъ.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ, съ рукописи, М. Ликиардопуло и А. Курсинскаго. К-во „Скорпионъ“. Обложка по флорентинскому образцу XVIII в. М. 1907. Ц. 80 к.

Въ № 1 „Вѣсовъ“ этого года былъ помѣщенъ переводъ той части этой трагедіи, которая дошла до насъ въ подлинной рукописи О. Уайльда. Въ отдѣльномъ изданіи данъ переводъ и другой части (начала), заново написанной, по памяти, г. Стерджъ-Муромъ. Въ изданіи помѣщены три портрета О. Уайльда: работы Альфреда Стерна, Дж. Гекстера и Тулуза-Лотрека.

I. *

М. Г.

Позвольте мнѣ заявить, что въ письмѣ Доброжелателя, — („Вѣсы“ № 8), очень, на мой взглядъ, умномъ и вѣрномъ, — есть досадная неточность. Г. Доброжелатель говоритъ, что я не вѣрно цитирую Пушкина. У Пушкина сказано: „я любовниковъ счастливыхъ узнаю по ихъ глазамъ“, а я, будто-бы, написалъ „юношей влюбленныхъ“... и т. д. Хотя я вполне соглашаюсь съ г. Доброжелателемъ, что подобныя „ошибки“ ничего не доказываютъ, что обличать ихъ злорадно — это „злорадствовать втунѣ“, и что еще менѣе вины на г. Доброжелателѣ, если онъ спутываетъ авторовъ незначительныхъ, — однако, да позволено мнѣ будетъ замѣтить: я ни въ одной моей статьѣ не приводилъ вышеупомянутой цитаты, ни въ первомъ, ни во второмъ видѣ. Г. Доброжелатель, очевидно, спуталъ меня съ Товарищемъ Германомъ, потому что „Переваль“ (этотъ, какъ разъ, „злорадствуя втунѣ“), — приводитъ эту же „ошибку“ именно въ статьѣ Товарища Германа. Даже оставивъ въ сторонѣ вопросъ „по существу“, т.-е. доказываютъ или нѣтъ эти неточности незнакомство съ цитируемымъ писателемъ, долженъ признаться, что я, просматривая данную статью „Товарища Германа“, не замѣтилъ въ ней неточности и привялъ цитату „юношей влюбленныхъ“ за цитату не изъ Пушкина, но изъ Л. Толстого; насколько помнится, Облонскій въ „Аннѣ Карениной“ именно такъ, путая и шути, дразнить Левина. И мнѣ

* Редакціей получено нѣсколько писемъ по поводу „письма Доброжелателя“, помѣщеннаго въ № 8 „Вѣсовъ“. Одни корреспонденты указываютъ, что г. Доброжелатель ошибочно приписалъ статью Товарища Германа — Антону Крайнему; другіе обращаютъ наше вниманіе, что и г. Доброжелатель не совсемъ точно цитируетъ Пушкина. Признавая все эти промахи совершенно маловажными, мы считаемъ, что, послѣ помѣщенія писемъ г. Антона Крайняго, „инцидентъ исчерпанъ“.

показалось, что „Пушкинъ въ устахъ Облонскаго“ болѣе подходитъ къ насмѣшливому тону статьи Тов. Германа, чѣмъ подошелъ бы „серьезный Пушкинъ“. Но, впрочемъ, не сочувствуя,—въ согласіи съ г. Доброжелателемъ,—уловленію безполезныхъ тонкостей, я нисколько не ставлю въ вину „Перевалу“, что онъ тонкости даннаго случая не уловилъ.

Рядомъ съ несчастными „влюбленными юношами“— „Перевалъ“ не устаетъ упрекать Тов. Германа, что тургеневскую Кукшину смѣшалъ съ Бизюкиной. Это, конечно,—явная „ошибка“. Но, на мой взглядъ,—опять изъ тѣхъ, осужденіе которыхъ осуждаетъ г. Доброжелатель. Онъ ея, вѣроятно, и не примѣтилъ, какъ не примѣтилъ я, какъ не примѣтилъ бы всякій, кто понимаетъ внутреннюю близость типа Кукшиной и Бизюкиной и дополняетъ вторую—блѣдный и неудачно-карикатурный образъ первой. Да и что скрывать? Тургеневъ—одинъ изъ нашихъ наиболѣе „безымянныхъ“ писателей. Имена и фамиліи его героевъ такъ слабо придуманы, такъ не связаны съ лицами (иногда примитивно съ ними склеены), что назвать Кукшину Бизюкиной грѣхъ, во всякомъ случаѣ, противъ Лѣскова, а не противъ Тургенева.

Какъ бы, однако, ни была похожа Кукшина на Бизюкину,—смѣшать ихъ—несомнѣнная ошибка. Болѣе важная,—я ни хочу спорить,—нежели та, которую совершилъ г. Доброжелатель, смѣшавъ меня съ Тов. Германомъ, и, однако, того же сорта. Возстановить истину, какъ бы она ни была мала,—всегда стоитъ. И я кончаю тѣмъ, съ чего началъ, повторяя еще разъ, что, несмотря на неточность г. Доброжелателя, касающагося меня,—его замѣтка кажется мнѣ очень точной и вѣрной.

Антонъ Крайній.

п.

По просьбѣ г. Вяч. Иванова перепечатываемъ изъ № 379 газеты „Товарищъ“ его письмо въ редакцію:

М. Г., г. редакторъ.

Прошу васъ дать мѣсто въ вашей уважаемой газетѣ нижеслѣдующему заявленію.

Сообщеніе г. Е. Семенова, со словъ моего товарища Г. И. Чулкова, о „мистическомъ анархизмѣ“ въ журналѣ „Mercure de France“ (16 іюля с. г.) отнюдь не соотвѣтствуетъ моему пониманію „мистическаго анархизма“, приемлемаго мною лишь въ томъ смыслѣ, какой придаю ему я въ статьяхъ, посвященныхъ мною этому предмету.

Вмѣстѣ съ тѣмъ неправильное освѣщеніе придано въ означенныхъ сообщеніяхъ моимъ личнымъ воззрѣніямъ и задачамъ руководимаго мною издательства „Оры“. Этотъ вынужденный протестъ ничего не измѣняетъ въ моихъ общихъ симпатіяхъ къ личности и общественно-философскимъ исканіямъ Г. И. Чулкова.

Вячеславъ Ивановъ.

ш.

М. Г., г. редакторъ.

Въ № 8 „Вѣсовъ“ появилось два моихъ стихотвореній, уже напечатанныхъ въ № 7 „Перевала“. Спѣшу принести мои извиненія вашему уважаемому журналу за это печальное недоразумѣніе, виной котораго отчасти была моя небрежность и развѣянность.

Съ полнымъ уваженіемъ

С. Соловьевъ.

ПОПРАВКИ.

Въ № 8 „Вѣсовъ“, въ статьѣ „Московскій балетъ“, печатавшейся въ отсутствіе автора, вѣдѣтвѣ неразборчивости рукописи, оказалось нѣсколько искажающихъ смыслъ опечатокъ. На стр. 100, строка 4 сверху, — напечатано „Мордкинъ-Осиль“ надо „Мордкинъ-Огонь“; тамъ же, строка 19, — напечатано „видное“, надо „водное“; стр. 101, строка 12, — напечатано „изъ одной ноги къ другой“, надо „изъ одной позы къ другой“; тамъ же, строка 20, — напечатано „знойность“, надо „знойность“; стр. 102, строка 12, — напечатано „Ножицкую“, надо „Пожицкую“. Кромѣ того въ статьѣ нѣсколько разъ невѣрно напечатана фамилія г-жи Каралли.

СОВРЕМЕННЫЕ НѢМЕЦКІЕ ПОЭТЫ.

I. МАКСЪ МЕЛЛЬ.

Мелль родомъ изъ Вѣны и въ Вѣнѣ же чуть ли не на школьной скамьѣ началъ свою литературную дѣятельность. Замѣчательно уже то, что ему удалось избѣгнуть угрожающей веѣмъ молодымъ вѣнцамъ опасности,—впасть въ подражаніе какому-либо изъ трехъ лидеров т. н. „Jung Wien“ (Hofmannsthal, Altenberg и Schnitzler); онъ сразу пошелъ своей собственной дорогой, по которой до него никто не ходилъ. Первый томикъ его разсказовъ вышелъ въ свѣтъ три года тому назадъ; онъ озаглавленъ: „Lateinische Erzählungen“, и этимъ заглавіемъ всецѣло исчерпывается сущность творчества Мелля. Основательное и любовное изученіе римскихъ классиковъ и ихъ строгаго, ослѣпительнаго стиля навело тонкаго и впечатлительнаго юношу на мысль воспользоваться духомъ прозы Цицерона, Саллюстія и Ливія для оживленія и обновленія современной прозы, подобно тому, какъ Дегасъ и Уистлеръ воспользовались духомъ японскаго искусства для обновленія европейской живописи.

Эта на первый взглядъ слишкомъ смѣлая попытка удалась Меллю блестяще. Небольшіе разсказы его, будучи по своему духу, по интимности чувствованія и восприниманія чисто современными, поражаютъ античной строгостью формы, какъ въ цѣломъ, такъ и въ построеніи отдѣльных періодовъ, блескомъ, образностью языка и даже чисто музыкальной звучностью, удивительно напоминающей звучность языка латинскаго. Нѣкоторые разсказы, сюжеты которыхъ взяты изъ римской жизни, такъ и кажутся переводами—и притомъ мастерскими—изъ какого-то неизвѣстнаго, но первокласснаго латинскаго автора. Но ученый филологъ, которому можно было бы подсунуть эти „переводы“ для мистификаціи, какъ это дѣлалось, напримѣръ, съ горбуновскими подражаніями древне-русской письменности, все же сталъ бы втупикъ передъ произведеніями Мелля:

языкъ и округленность періодовъ, какъ будто, латинскіе, сюжетъ римскій, и анахронизмовъ нѣтъ, но все какъ-то не то: чувства не тѣ, „въетъ декадентскимъ духомъ“, сказали бы въ Россіи. И именно благодаря этому „декадентскому духу“ вещи Мелля не „курьезны“, какъ удачныя поддѣлки подъ старину, а отличаются высокой художественной цѣнностью произведеній оригинальныхъ.

„Латинскіе рассказы“ заключаютъ въ себѣ три короткія повѣсти, сюжеты которыхъ взяты изъ жизни древняго Рима; рассказъ въ каждомъ ведется отъ имени главнаго дѣйствующаго лица. Это три исповѣди: исповѣдь раба-садовника, нѣжно любящаго дѣвочку, дочь своего владѣльца, проданную своимъ отцомъ императору Каллигулѣ, и тоскующаго о ней до самой смерти; рассказъ ученаго, потерявшаго вѣру въ боговъ; наконецъ, исповѣдь ваятеля: онъ желалъ воплотить въ своей статуѣ идею крика, страданія и боли; но вдохновеніе его оставило въ тотъ моментъ, когда онъ коснулся тѣла своей натурщицы, затравленной жизнью дѣвушки, подобранной имъ въ какомъ-то вертепѣ: отъ прикосновенія ваятеля скорбь смѣнилась радостью пробудившейся любви. Всѣ три темы, по духу своему вовсе не римскія, разработаны удивительно красиво и интимно и полны художественныхъ и психологическихъ тонкостей.

Позднѣе Мелль убѣдился, что вовсе не необходимо брать сюжеты непременно изъ римской жизни для того, чтобы рассказы казались латинскими. Вторымъ шагомъ въ его развитіи является книга: „Die drei Grazien des Traumes“, изданная въ прошломъ году Insel-Verlag. Она содержитъ пять рассказовъ, темы которыхъ взяты изъ средневѣковой и современной жизни; но фабулы и характеры дѣйствующихъ лицъ въ нихъ еще остались римскими: сильные конфликты и подвиги, гордые и надменные люди, жестокость, благородство и самоотверженіе. Но всѣ эти римскіе элементы опять-таки преломлены въ призмѣ современной, даже ультра-современной души. Особенно хорошъ рассказъ о легендарной Леди Годивѣ, спасшей обреченный ея мужемъ на разгромленіе городъ Ковентри тѣмъ, что проѣхалась черезъ всѣ улицы города нагая, верхомъ на конѣ. На канѣ этого англійскаго сказанія Меллю удалось создать удивительно поэтическую, сильную и глубокую вещь, по духу современную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слегка античную. Городъ Ковентри является въ рассказѣ одухотвореннымъ, мыслящимъ и чувствующимъ лицомъ. Леди Годива видитъ въ городѣ своего собрата по несчастью: она—нѣжная, мягкая, кроткая, отдана во власть грубому, жестокому, какъ Каллигула, мужу, въ рукахъ котораго въ день свадьбы очутилась и судьба покореннаго имъ города. Утро послѣ свадебной ночи рисуется Меллемъ въ столь дивныхъ, мощ-

ныхъ краскахъ, что я считаю нужнымъ привести его слова дословно. По этому отрывку можно судить и о блескѣ и силѣ Меллевекаго языка.

Der Morgen des Vorfrühlings war wundervoll aufgegangen. Und zwei Zerbrochene sahen einander in die tieftraurigen Augen. Das war Lady Godiva, die fröstelnd in der Morgenluft am Fenster des hohen Schlafgemachs saas und sich einhüllte mit zitternden Bewegungen, und das war die Stadt, die sich um die steinernen Füße des Schlosses schmiegte, um Erbarmen flehend. ... Das war Lady Godiva, deren Seele umsonst nach einer anderen Form schrie, denn die ihre war in den Fäusten der Gewalt gewesen, von der sie vorher nichts gewusst hatte. Ihr Körper war wertlos geworden, und die Seele wollte nicht mehr in ihm hausen und quälte sich ab und weinte in unbegriffener Sehnsucht.

Построеніе періодовъ чисто латинское! Леди Годива спасла городъ цѣной своей женской стыдливости, но въ послѣдствіе отомстила мужу тѣмъ, что отдалась поэту—душѣ города. Прелюбодѣяніе свершилось; она воавращается къ мужу; съ геройствомъ римлянки глядитъ прямо въ глаза неминуемой смерти:

...Sie legte sein Schwert vor ihn auf die Decke und sagte: «Töte mich. Denn ich habe mit der Stadt die Ehe gebrochen».

Въ новѣйшемъ фазисѣ своего творчества Мелль эмансипировался даже отъ необходимости выводить непременно римскіе характеры и разрабатывать героическіе сюжеты. Онъ пишетъ все тѣмъ же цинцероновскимъ языкомъ о самыхъ обыденныхъ явленіяхъ современной повседневной жизни. Явленія эти онъ воспринимаетъ глазами и сердцемъ утонченнаго, нервнаго эстета, „декадента“, но трактуетъ ихъ въ спокойномъ, величавомъ тонѣ римскаго классика. Подъ кажущимся холоднымъ покровомъ безстрастнаго цинцеронскаго повѣствованія скрывается огонь и трепеть тонкой современной души; въ этомъ контрастѣ и кроется вся прелесть новѣйшихъ вещей Мелля. Въ одномъ изъ новѣйшихъ рассказовъ (не вошедшемъ въ два названныхъ сборника) мальчикъ, лѣтъ 14 и 15, рассказываетъ про пріѣздъ кузины въ домъ его родителей. Простая страница изъ дневника; здѣсь нѣтъ ни конфликтовъ, ни героизма, ни даже какихъ-либо значительныхъ событій. Мальчикъ спокойно и обстоятельно рассказываетъ о томъ, какъ извозчикъ подѣхалъ къ дому, какъ внесли багажъ гости въ отведенную ей комнату, какъ гостья вышла потомъ къ завтраку и т. д. Фотографически точно описываетъ онъ бѣлую батистовую блузу, сквозь рукава которой просвѣчиваютъ розовыя руки дѣвушки, веснушки на ея молодомъ, здоровомъ лицѣ. Ей отведена комната рядомъ съ его. Вечеромъ

онъ прислушивается къ звукамъ, доносящимся оттуда: гостя собирается лечь въ постель. Онъ описываетъ шорохъ платья при раздѣваніи, шорохъ чулокъ, брошенныхъ поверхъ платья на стулъ, и звуки босыхъ ногъ по полу; онъ ясно слышитъ, какъ подошва босой ноги при каждомъ шагѣ слегка прилипаетъ къ крашеному полу, какъ она потомъ отрывается отъ него съ характернымъ, едва уловимымъ трескомъ. Это — все. Но за нѣсколько монотонной мелодіей фотографически и фонографически точнаго описанія слышится другая мелодія,—нѣжная и таинственная мелодія впечатлительной души мальчика, полной смутныхъ и непонятныхъ еще чувствъ, вызванныхъ молодой, жизнедышущей дѣвушкой, мелодія, посящая въ себѣ уже зачатки близкихъ бурь.

Въ Германіи Мелля мало кто знаетъ; публика его бросила въ одну кучу съ цѣлой плеядой молодыхъ посредственныхъ писателей, всплывшихъ наружу за послѣдніе годы, не обративъ на него почти никакого вниманія. Хочется вѣрить, что имя его скоро будетъ извлечено изъ груди именъ полузабытыхъ и по большей части дѣйствительно не стоящихъ вниманія молодыхъ талантиковъ.

II. ХРИСТИАНЪ МОРГЕНШТЕРНЪ.

Молодой берлинецъ Christian Morgenstern раздѣляетъ съ Меллемъ не только незаслуженное равнодушіе публики, но и нѣкоторыя особенности его творчества. Хотя онъ и не называетъ своихъ стиховъ латинскими, но нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ этотъ эпитетъ не менѣе рассказовъ Мелля. Въмѣсто того, чтобы описывать манеру Моргенштерна и его умѣніе выразить образы, подчасъ довольно сложные, краткими, сжатыми, строго-латинскими фразами, я приведу примѣръ:

Die Wiederhergestellte Ruhe.

Aus ihrem Bette steigt sie bleich
im langen Hemd und setzt sich gleich.

Die Zofe bringt ihr Rock und Schuh
und führt sie sanft dem Divan zu.

Todmüd in grauen Höhlen liegt
der Blick, den Fieber fast besiegt.

Ihr ganzer Leib ist wie verzehrt,
als hätt' in ihm gewühlt ein Schwert.

Der Medicus erzählt der Welt:
sie sei nun wieder hergestellt...

Die Zofe kniet vor ihr und giebt
ihr von den Blumen, die sie liebt,

und schmückt sie zärtlich aus der Truhe,—
die wiederhergestellte Ruhe.

При болѣе внимательномъ чтеніи этихъ звучныхъ ямбическихъ строкъ не трудно подмѣтить, что въ нихъ скрывается извѣстная доза ироніи или юмора; невольно приходитъ въ голову имя Буша, хотя сходство съ нимъ и очень отдаленное. Приведенное стихотвореніе занимаетъ какъ разъ середину между двумя рѣзко отличающимися другъ отъ друга группами произведеній Моргенштерна: у него два лица, смѣющееся и печальное; и то и другое одинаково своеобразно и красиво.

Моргенштернъ началъ съ вещей юмористическихъ,—именно съ очень удачныхъ подражаній Горацию, а затѣмъ перешелъ къ самостоятельнымъ юмористическимъ стихотвореніямъ. Слово „юмористъ“ въ примѣненіи къ нему, собственно, неумѣстно. Оно неумѣстно также и по отношенію къ гениальному рисовальщику Т. Т. Гейне, съ которымъ у него много общаго. Если разсматривать не каррикатуры Гейне на опредѣленные политическія темы, а тѣдивныя фантастическія виньетки и заставки, которыми онъ украшаетъ страницы „Симплиссимуса“ и другихъ изданій Лангена, то подъ маской смѣха подмѣтимъ ликъ ужаса. Къ этимъ виньеткамъ обыкновенно мало присматриваются; между тѣмъ, онѣ занимаютъ чуть ли не главное мѣсто въ творествѣ Гейне. Причудливо извивающіяся линіи живутъ и дышатъ, образуя то страшныхъ, кошмарныхъ дьяволовъ, то фантастическихъ, не предусмотрѣнныхъ зоологіей звѣрей, полу-птицъ, полу-кошекъ, полу-растеній; и всѣ эти дьяволы и звѣри необыкновенно убѣдительно и вѣроятны; надъ ними не смѣешься, скорѣе пугаешься ихъ.

Моргенштернъ, поставивъ себѣ задачу перенести манеру гейневскихъ виньетокъ въ поэзію, прекрасно съ ней справился. Два года тому назадъ вышла у Кассирера въ Берлинѣ его книжка „Galgenlieder“ (между прочимъ, удивительно красиво изданная, съ прекрасной обложкой Вальзера). Все содержаніе этой книги можетъ быть названо „Т. Т. Гейне въ поэзіи“. Дѣйствующими лицами въ этихъ „Пѣсняхъ съ висѣлицы“ являются либо дѣйствительно суще-

ствующія животныя (какъ ежъ, улитка, кротъ, воронъ и т. д.), либо вполне обыкновенные люди (чиновникъ лѣсного департамента, дочь палача), либо порожденія фантази поэта; онъ создалъ собственную зоологію и терминологію; встрѣчаются, на примѣръ, слѣдующія имена, совершенно непереводаемыя: Siebenschwein, Rabenmaus, Mondschaf, Schluchtenhund; далѣе встрѣчаются: Schuhu, Zwölf-Elf, Nachtschelm—это, повидимому, люди; затѣмъ Bin, Bam и Bum—это колокольные звуки, наконецъ, есть даже нѣмая рыба, исполняющая, однако, цѣлую пѣсню со слѣдующимъ текстомъ:

и т. д.

Всѣ эти упомянутыя и неупомнутыя въ учебникахъ зоологій существа, колокольные звуки и пр. кажутся столь же возможными, вѣроятными и даже обыденными, какъ и выступающій вмѣстѣ съ ними чиновникъ лѣсного департамента; начинаетъ казаться, что это все старые знакомые съ улицы или со скотнаго двора. Вся сила Моргенштерна заключается въ томъ, что онъ заставляетъ читателя слѣпо вѣрить въ реальность всѣхъ порожденій своей фантази; эта убѣдительность и сближаетъ его талантъ съ талантомъ Т. Т. Гейне, имя котораго неизбежно приходитъ въ голову при чтеніи „Galgelieder“. Даже неодушевленные предметы начинаютъ у Моргенштерна говорить своимъ языкомъ. Вотъ примѣръ:

Ich bin ein einsamer Schaukelstuhl
und wackel im Winde
im Winde.

Auf der Terrasse, da ist es kuhl,
und ich wackel im Winde
im Winde.

Und ich wackel und nackel den ganzen Tag.
Und es nackelt und rackelt die Linde.

Wer weiss, was sonst wohl noch wackeln mag
im Winde
im Winde

im Winde.

Не знаешь, какъ отнестись къ подобному произведенію: съ одной стороны, это—полная настроенія, интимная вещичка, съ другой—мазки, линіи и краски утрированы; образность и красочность, отличающія эти стихи, наводятъ мысль, что эти пьесы Моргенштерна должны

быть разсматриваемы глазами художественнаго, а не литературнаго критика; приходитъ въ голову слѣдующее опредѣленіе подобныхъ произведеній: „лирическія каррикатуры“. Вотъ еще примѣръ, гдѣ каррикатурность чувствуется не только въ содержаніи и выборѣ словъ, но и въ формѣ, ритмѣ и размѣрѣ:

Nein.

Pfeift der Sturm?
 Keift ein Wurm?
 Heulen
 Eulen
 hoch vom Turm?
 Nein!
 Es ist des Galgenstrickes
 dickes
 Ende, welches ächzte,
 gleich als ob
 im Galopp
 eine müdgehetzte Mähre
 nach dem nächsten Brunnen lechzte
 (der vielleicht noch ferne wäre).

Кромѣ сборника „Galgenlieder“, Моргенштернъ написалъ еще 5 томиковъ лирическихъ стихотвореній, не подходящихъ подъ опредѣленіе „лирическія каррикатуры“; послѣдній изъ этихъ сборниковъ— „Melancholie“—появился въ прошломъ году. Помѣщенные въ нихъ вещи очень интимны по настроенію, глубоки по чувству и мелодичны по ритму. Отчасти онѣ напоминаютъ стихи Falke, отчасти древнихъ нѣмецкихъ поэтовъ, какъ Walter von der Vogelweide. Но и въ нихъ иногда чувствуется перо каррикатуриста (вѣдь Т. Т. Гейне тоже выдаетъ себя въ своихъ большихъ композиціяхъ); онъ употребляетъ иногда чересчуръ смѣлыя, прямо-таки каррикатурныя рѣмы. Вотъ напримѣръ, строфа изъ очень красиваго стихотворенія „Der Gärtner“:

... Er kehrt auf den Beeten den Mist um,
 wann Winterfröste drohn,
 er denkt an Jesum Christum
 der Erde tiefen Sohn.

Но все же эта рискованная рѣма „Mist um—Christum“, какъ то не оскорбляетъ ни чувства, ни уха, она придаетъ даже, пожалуй, особую силу и прелесть стиху.

Публика знаетъ Моргенштерна почти исключительно какъ прекраснаго переводчика „Бранда“ и „Пееръ Гинта“; оригинальныя же

произведения его мало кому извѣстны; между тѣмъ, онъ значительный поэтъ, съ очень своеобразнымъ и оригинальнымъ дарованіемъ.

Въ заключеніе приведу одну изъ самыхъ тонкихъ вещей Моргенштерна; въ ней нѣтъ уже ничего каррикатурнаго.

Wor dem Bilde meiner verstorbenen Mutter.

Dieser zarte Leib hat mich geboren;
 grausam drängt'ich mich aus seinem Schoss,
 riss mein Leben von dem seinen los,
 hab'ihn hinter mir in Nacht verloren.

Kehrst du nie zurück, auch nicht im Geiste?
 Bist du mir gestorben ewiglich?
 Und doch gab es eine Zeit: da kreiste
 deines Herzens Blut durch dich und mich.

Мюнхень, сентябрь 1907.

Александръ Эліасбергъ.

Russische Lyrik der Gegenwart. Deutsch von Alexander Eliasberg. Mit einer Einleitung und vier Bildnissen. München und Leipzig. R. Piper & Co Verlag.

На мой взглядъ, вполне совершенный переводъ стихотворнаго произведенія невозможенъ. Совершенный переводъ почти что *contradictio in adiecto*. Онъ невозможенъ уже потому, что настоящее произведеніе искусства всегда глубоко субъективно, индивидуально и единично, и эти качества выражены тѣмъ ярче, чѣмъ произведеніе выше. Переводчикъ, стоящій по своему таланту на высотѣ даннаго произведенія, въ силу своей собственной индивидуальности не будетъ въ состояніи пересоздать его въ формахъ другого языка; переводчикъ, не обладающій такой силой индивидуальности, неизбежно будетъ ниже своего оригинала.

Представьте себѣ восхитительную мозаику, составленную изъ тысячи мельчайшихъ, чрезвычайно искусно другъ къ другу прилаженныхъ стеколъ и камней, образующихъ сложный и красивый узоръ. Вамъ даютъ тысячи другихъ самыхъ разнообразныхъ и разнохарактерныхъ камней и стеколъ, предлагая составить изъ нихъ тотъ же самый сложный рисунокъ. Задача оказывается невыполнимой. Камни, подходящіе другъ къ другу по формѣ, не подходятъ по цвѣту, камни болѣе или менѣе близкіе по цвѣту—совсѣмъ не похожи на оригиналь по своей формѣ или никакъ не складываются другъ съ другомъ. Въ такомъ положеніи находился бы и переводчикъ, если бы только его положеніе не было еще гораздо затруднительнѣе. Въ приведенномъ примѣрѣ приходится заботиться лишь о формѣ и отѣнкахъ камней; при переводѣ стихотворенія—заботъ несравненно больше. Цѣльность каждаго стихотворенія безпредѣльна, сложна и, въ сущности, въ этой сложности нельзя измѣнить безнаказанно ни одной мельчайшей черты. Слова, соответствующія другъ другу по значенію, звучать на разныхъ языкахъ совершенно различно и нисколько не похожи другъ на друга по своей формѣ; слова, болѣе или менѣе сходныя по формѣ или звуку, имѣютъ совершенно различное значеніе. А помимо этого необходимо еще сохранить размѣры, ритмы, разстановку гласныхъ и чередованіе короткихъ и много-

сложныхъ словъ; иначе стихотвореніе утрачиваетъ свою мелодію, свой особый паосъ и дѣлается похожимъ именно на мозанку, въ которой камни не подошли другъ къ другу, оставивъ между собою зияющія дыры. Переводъ есть въ сущности желаніе сдѣлать то же самое—изъ друго го, неподходящаго матеріала.

На мой взглядъ, переводчикъ долженъ ставить себя всегда строго опредѣленные и ограниченныя задачи. Если онъ самъ большой и самостоятельный поэтъ, онъ можетъ задаться цѣлью создать равноцѣнное оригиналу произведеніе, сходство котораго съ подлинникомъ, конечно, будетъ самое отдаленное. Другая, болѣе скромная задача—это передать съ дословной, педантичной точностью и близостью текстъ подлинника (безъ малѣйшихъ отступленій, а иногда даже прозой), по которому чуткіе могли бы уже сами возсоздать въ своей душѣ поэта. Александръ Эліасбергъ задался цѣлью познакомиться нѣмецкую публику съ современной русской лирикой, выбравъ для этого шестерыхъ, наиболѣе типичныхъ, по его мнѣнію, ея представителей,—К. Вальмонта, Валерія Брюсова, И. Бунина, Э. Гиппиусъ, Н. Минскаго, Ф. Сологуба. Его задачей было, повидимому, именно познакомиться нѣмцевъ съ этими поэтами, но не создать равноцѣнныя ихъ произведенія вещи, именно „übertragen“, но не „nachdichten“. Переводы его, за немногими исключеніями, очень точны и старательны, иногда почти дословны. Никакихъ сколько-нибудь грубыхъ ошибокъ или искаженій текста у него не встрѣчается. Но, тѣмъ не менѣе, ни Вальмонта, ни Брюсова, ни даже Бунина въ его книгѣ нѣтъ. Авторъ стремится сохранить размѣры, но упускаетъ образы; переводя дословно выраженія, теряетъ напѣвъ (хотя и сохраняетъ размѣръ); дословные переводы имѣютъ по-нѣмецки другой стиль и паосъ; рима, бывшая въ подлинникѣ необходимою, кажется фальшивой натяжкой въ переводѣ и т. д.

Въ частности, относительно переводовъ изъ Вальмонта, можно указать на довольно неудачный выборъ переведенныхъ произведеній. Хотя все сложное и изысканное размѣры Вальмонта сохранены съ болѣею тщательностью, все же особый плѣнительный стиль Вальмонта неизбѣжно испарился. Нѣжныя строки:

Если хочешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты одинъ мнѣ понравился между людьми

переведены грубо и не точно:

Wenn du weisst, wer ich bin, und mich magst—nimm mich hin:
Bist der einzige Mensch, des gelüstet mein Sinn.

Плѣнительное бальмонтовское „не надо“ переводится длиннымъ и скучнымъ:

Nein, lass mich gehen.

Наиболѣе неудаченъ переводъ стихотворенія: „Я изысканность русской медлительной рѣчи“. Уже этотъ первый стихъ переведенъ совершенно непозволительнымъ:

Bin der Wohllaut der zierlichen(!) und eleganten(!)
Langsam fließenden Sprache.

„Предтечи“ совсѣмъ не то, что „Trabanten“. Очень нехорошо передана послѣдняя строфа этого стихотворенія; у Бальмонта:

Вѣчно юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя и въ другихъ,
Я—изысканный стихъ.

По нѣмецки: Ich bin stark wie ein Held,
Liebe mich und die Welt
Bin ein sprossender Keim,
Bin ein klingender Reim!

При переводахъ нѣкоторыхъ стиховъ изъ Валерія Брюсова Эліасбергъ до того стремился къ точности, что у него получились плохіе нѣмецкіе стихи (даже безъ всякаго отношенія къ переводу). Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи „Abendlied“ четыре раза вставлено совершенно ненужное „so“ единственно для соблюденія размѣра. Само собою разумѣется, что эти вялые и съ банальными римами стихи очень мало напоминаютъ великолѣпныя строфы Брюсова. Въ частности очень неудачно переведено стихотвореніе „Первая встрѣча“, гдѣ прежде всего не сохранены внутреннія римы. Кромѣ того, все стихотвореніе, начиная съ заглавія, которое передѣлано въ „Rückker“, какъ то транспонировано на другой ладъ. У Брюсова стихотвореніе имѣетъ болѣе общій характеръ; Эліасбергъ приспособливаетъ его именно къ данному частному случаю. Брюсовъ говоритъ:

Какъ любилъ я, какъ люблю я эту робость первыхъ встрѣчъ
Эліасбергъ переводить:

Unvergesslich bleibt mir ewig deiner Lippen erster Kuss

Брюсовъ говоритъ, что вообще „страсти, сны намъ только снятся“, Эліасбергъ передѣлываетъ это въ

Alle Wollust war ein Traum nur.

И такъ съ начала и до конца всего стихотворенія.

Точно также невѣрно переведено стихотвореніе „Послѣдній пиръ“. „Разсвѣтъ безстыдно кажетъ ликъ“—переименовано въ „первые робкіе лучи“ (Die ersten Strahlen sehen und zag). Сравненіе спящихъ гостей со стадомъ пьяныхъ кентавровъ дважды совсѣмъ откинута. Картинное

На шкуры барсовъ и медвѣдей
Упали сонные рабы

подмѣнено банальнымъ:

Die letzten Kohlenbrände funkeln
In dem erlöschenden Kamin.

Переводы изъ Бунина и Минскаго сравнительно удачнѣе; что касается переводовъ изъ Зинаиды Гиппіусъ, то они всѣ, при точности, все же транспонированы въ другой тонъ, пріобрѣта у переводчика гораздо болѣе ясности, опредѣленности и договоренности, чѣмъ у самого поэта.

Переводамъ предпослано небольшое предисловіе, которое, къ сожалѣнію, страдаетъ существенными недостатками и неточностями. Дѣленіе современной русской поэзіи на два теченія—невѣрно и произвольно; характеристика Бальмонта—сплошное общее мѣсто, представляющая собою въ то же время нѣсколько рискованный гимнъ поэту. Для Эліасберга Бальмонтъ разностороненъ, какъ Гете; переводы его—„Wunderbarer Übertrag“, революціонные стихи его—блестящи, а въ подражаніяхъ народному творчеству онъ, видите-ли, достигъ ослѣпительныхъ результатовъ. Въ своемъ поклоненіи Бальмонту Эліасбергъ доходитъ до утвержденія, что все другіе поэты „sind stolz Balmonts Trabanten zu sein“(!).

Характеристика Брюсова тоже не безъ промаховъ. Прежде всего, непростительно называть Брюсова трабантомъ Бальмонта (что, впрочемъ, отрицается и самимъ Эліасбергомъ, который далѣе сообщаетъ, что Брюсовъ—одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ и субъективныхъ русскихъ поэтовъ). Затѣмъ весьма сомнительно вліяніе на Брюсова, напр., Шишывшевскаго. Нельзя также не въ мѣру восхвалять юношескіе переводы Брюсова изъ Верлена, обойдя молчаніемъ гораздо болѣе удачные переводы изъ Верхарна. Кое-какія неточности допущены и въ характеристикахъ другихъ поэтовъ.

Въ общемъ книга г. Эліасберга все же должна быть признана несомнѣнно полезной и заслуживающей вниманія. Портреты, помѣщенные въ книгѣ (К. Бальмонтъ съ рисунка В. Сѣрова, В. Брюсовъ—М. Врубеля, З. Гиппіусъ—Л. Бакета и Минскій—О. Бразя)—исполнены прекрасно.

Викторъ Гофманъ.

Stefan Zweig. Die frühen Kränze. Insel-Verlag. Leipzig.

Новая книга Стефана Цвейга—весьма современная книга. Молодой поэт воспринимал все созданное и добытое лучшими поэтами современности; онъ какъ бы впиталъ въ себя и Гёфманстала, и Рильке, и Роденбаха, и Метерлинка. И при этомъ онъ менѣе всего безличныи подражатель, отражающій откровенія чужой души, присваивающій себѣ формы, въ которыхъ нашла возможнымъ объективаться душа другихъ поэтовъ. Чувствуется лишь, что онъ явился послѣ такихъ-то и такихъ-то поэтовъ, что ихъ отданная міру и жертвенно распластанная въ немъ душа коснулась и его нѣкоторыми изъ своихъ пѣвучихъ воплощеній. Ему близки и доступны, даже какъ бы стали основной формой его мышленія и творчества—глубочайшія идеи критико-мистической философіи, нѣкоторымъ положеніямъ которой служить такимъ блестящимъ подтвержденіемъ современная поэзія. И все это радуетъ, какъ красивый примѣръ культурной преемственности, дающей вѣру, что, быть можетъ, не все безцѣльно, не все пропадаетъ.

Цвейгъ не принадлежитъ къ поэтамъ, проламывающимъ новые пути, врывающимся въ новыя сферы. По своей сущности онъ—поэтъ-завершитель, поэтъ, подтверждающій добытое другими. Отсюда эта тишина и успокоенность его поэзіи, которая вся подернута вѣніемъ чего-то мелодично-печального и проникновенно-нѣжнаго... Поэзія Цвейга символична въ лучшемъ и общемъ смыслѣ слова, символична, какъ всякое искусство. Поэтъ умѣетъ писать о вечерахъ и женскихъ рукахъ, какъ Роденбахъ, и о дѣвushкахъ, какъ Рильке. Поэтъ много видѣлъ и душа его сумѣла вмѣстить видѣнное, служа прекрасной скрипкой, на которой играетъ свои тихія мелодіи—Брюгге и ликующія симфоніи воды и солнца—Венеція. Цвейгъ не описываетъ природу: онъ даетъ ей проявиться въ красотѣ—черезъ свою душу.

Поэтъ хорошо владѣетъ разнообразными и утонченными размѣрами, изъ которыхъ иные очень близки размѣрамъ нашего Балльмонта. Вообще успѣхи его въ технику стиха со времени первой его

книги („Silberne Saiten“ 1901) весьма значительны, что отмѣчается многими нѣмецкими журналами.

Кромѣ небольшихъ лирическихъ стихотвореній, въ книгѣ помѣщены двѣ поэмы. Первая, интересная, хотя и не совсѣмъ цѣльно выдержанная—„Der Verführer“ („Соблазнитель“)—даетъ еще разъ вѣчный образъ Донъ-Жуана. Трагическаго соблазнителя мучить безумная жажда

Ganz in die purpurnen Tiefen der schwülen
Fremden Seelen sich einzuwühlen,

его терзаетъ мысль, что существуетъ еще много невидѣнныхъ имъ городовъ, гдѣ тоже должны быть нѣжныя женщины, съ колеблющейся походкой, и пламенныя женщины, изнемогающія отъ сновидѣній, и дѣвочки-дѣти, вечернюю пѣсню которыхъ внезапно омрачаетъ первая, еще совсѣмъ чужая имъ мысль о любви. И все эти женщины не видали и не любили его, а многія изъ нихъ отдаются другимъ мужчинамъ. Онъ хотѣлъ бы весь міръ обнять какъ женщину.

Ich möchte die Welt wie ein glühendes Weib
An meine verlangende Seele betten
Und ihren Leib
Mit den Flammen meiner zwei Arme umketten.

Еще менѣе выдержана „Долина скорби“ („Das Tal der Trauer“), написанная въ формѣ эпизода изъ Дантоваго Ада (терцинами), причѣмъ проводникомъ является самъ Данте.

Викторъ Гофманъ.

Karl Henckell. Schwingungen. Neue Gedichte mcmv—mcmvi. Buchschmuck von Fidus. Bard, Marquardt. Berlin.

Имя Карла Генкеля часто ставится рядомъ съ именемъ Джона Генри Маккай. Дѣйствительно, пути ихъ развитія когда-то соприкасались. Родившись въ одномъ и томъ же году (1864 г.), они приблизительно въ одно и то же время выступили съ книгами ярко окрашенныхъ революціонныхъ стиховъ, гремѣвшихъ проклятіями буржуазному строю и призывами къ борьбѣ и разрушенію. Книги имѣли значительный успѣхъ. Съ тѣхъ поръ нѣмецкіе критики продолжаютъ считать ихъ за виднѣйшихъ представителей тенденціозной социалистической и анархической поэзіи. Но сопоставлять этихъ двухъ поэтовъ нельзя.

Маккай, несмотря на разсудочную прозаичность и художочную риторику своихъ стиховъ, безпредѣльно выше Генкеля. Онъ, какъ ни какъ, выпилъ до дна кубокъ огненно-безплощадной и трагично-безстрашной мысли Штирнера, однимъ изъ лучшихъ знатоковъ кото-

раго онъ считается. Въ своемъ широко извѣстномъ романѣ („Анархисты“) Маккай дошелъ до очень чистой и почти идеальной степени анархизма, навсегда оттолкнувъ всякія социалистическія и коммунистическія примѣси и компромиссы. Желѣзная мысль Штирнера не прошла для него даромъ. И въ стихахъ его, несмотря на отсутствіе настоящей поэтической мощи и окрыленности, все же чувствуется большая, сильная душа, обожженная огнемъ ненависти и ледянымъ дыханіемъ презрѣнія, чувствуется закаленная мысль и порою—мрачная и трагическая фантазія. Генкель же дальше риторически-банальныхъ вопросовъ и проклятій да бессмысленныхъ призывовъ къ какой-то весьма неопредѣленной свободѣ не пошелъ. Съ чисто же художественной точки зрѣнія революціонные стихи Генкеля еще болѣе мертвы и плоско реалистичны, чѣмъ стихи Маккайа...

За послѣдніе годы, однако, физіономія Генкеля сильно измѣнилась. Съ нимъ случилось то, что часто случается съ буршами, безъ толку горячащимися и скандалящими въ юности, а затѣмъ заключающими прочный союзъ съ житейской разсудительностью. Его социалистическія увлеченія исчезли, повидимому, безслѣдно. Теперь онъ пишетъ чрезвычайно успокоенные и даже бодро-оптимистическіе стихи, посвященные всевозможнымъ „радостямъ бытія“, но никакъ не революціи.*

„Schwingungen“ ярко подтверждаютъ этотъ новый этапъ души Генкеля. Вся книга безмятежно-реалистична, и въявіе настоящей поэзіи, кажется, ни разу не коснулось ея. Слова въ ней—только слова, а образы—ненужныя прикрасы, свидѣтельствующія развѣ лишь о дурномъ вкусѣ, придающія дешевое подобіе роскоши убогому и жалкому дубку. Размѣръ у Генкеля на протяженіи всей книги почти

* Въ настоящемъ году, кромѣ книги стиховъ «Schwingungen», Генкель выпустилъ еще критико-историческій обзоръ нѣмецкой поэзіи со времени Гейне «Deutsche Dichtung seit Heinrich Heine», появившій въ серію «Literatur», выходящую подъ редакціей Брандеса въ Берлинѣ (Bard, Marquardt, Berlin). Объ этой книгѣ уже было сказано нѣсколько краткихъ словъ въ «Вѣсахъ» (1907, № 5); но мнѣ хочется сдѣлать здѣсь еще одно замѣчаніе. Обзоръ Генкеля лишень всякой объединяющей мысли, всякаго философскаго обобщенія. Все сводится къ шпѣтстымъ фразамъ, выраженіямъ симпатіи и антипатіи, да къ восклицательнымъ знакамъ. Но главное и наиболѣе замѣчательное то, что въ этомъ обзорѣ Генкель допустилъ рядъ совершенно непростительныхъ и, повидимому, злостныхъ пропусковъ. Въ книгѣ, посвященной новой нѣмецкой поэзіи, ни единымъ словомъ не упоминается о Карлѣ Блейбтреу, Карлѣ Буссе, Рильке, Стефанѣ Георге, Альфредѣ Момбертѣ, Г. фонъ-Гофмансталѣ, Моргенштернѣ, Вильгельмѣ фонъ-Шольцѣ и др.

вездѣ одинъ и тотъ же. Большинство стиховъ—чисто вѣшнія описанія природы, привлекающія лишь изрѣдка вниманіе какой-нибудь мѣтко схваченной и удачно выраженной черточкой вѣшняго міра. Большею частью все это—веселыя картинки шикниковъ, гуляній и катаній или даже эпизоды брачнаго путешествія съ природой изъ вагоннаго окна. Наряду съ этимъ попадаются вдругъ напыщенные строфы къ Шиллеру и Рембрандту или переводъ изъ Ады Негри и Верхарна. Вся книга полна здоровой жизнерадостностью и оптимизмомъ, который, кажется, ничѣмъ не прошибешь. Авторъ безмятежно воспѣваетъ весну и прогулки или даже жирную форель, которая,

Schwimmt in Butter frisch,
Des wollen wir frohlich sein,

адресуя своей спутницѣ такое плѣнительное обращеніе:

Du, Schatz, mein und ich, Schatz, dein

или

Stoss an, mein Schatz...

Нельзя не привести также ту, на мой взглядъ, мало лестную характеристику, которую даетъ себѣ самъ авторъ:

Mich quält kein bram, mich peinigt keine Reue
Ob ich das Dasein regelrecht erfasst.

По странной случайности, эта, слишкомъ здоровая, книга украшена сильными виньетками Фидуса, полными какой-то истерической красоты. Эти украшения самое, да и единственное, цѣнное во всей книгѣ.

Викторъ Гофманъ.

Julius Bab. Wege zum Drama. Berlin. Oesterheld & Co Verlag.

Путь къ новой драмѣ, по мнѣнію Юліуса Баба, лежитъ черезъ Фридриха Геббеля къ Шекспиру. Авторъ оговаривается, что онъ не вѣритъ въ возможность возрожденія античной трагедіи, о чемъ мечтаютъ столь многіе. Для него современная драма есть нѣчто совершенно новое, не имѣющее никакихъ корней въ древнемъ мірѣ, возникшее при совсѣмъ особыхъ обстоятельствахъ. Греческій хоръ, напимѣрь, утраченъ для насъ безвозвратно. Драматургъ, думающій болѣе о жизни и будущемъ, чѣмъ объ исторіи и прошедшемъ, не долженъ возвращаться далѣе Шекспира. Долженъ явиться геній, который сумѣлъ бы впитать въ себя всю глубину геббелевскаго познанія, чтобы затѣмъ воплотить все это съ мощной легкостью и жизненностью Шекспира. Тогда будетъ описана новая спираль

культурнаго развитія, и мы окажемся опять вернувшимися къ Шекспиру, только какъ бы уже цѣлымъ этажемъ выше. Въ современной нѣмецкой драматической литературѣ даны лишь пути, лишь болѣе или менѣе вѣрные залого будущей драмы. Такихъ путей два: они совершенно различны, но оба ведутъ къ возрожденію нѣмецкой драмы, оба привлекли уже цѣлый рядъ молодыхъ талантовъ. Въ точкѣ ихъ пресѣченія лежитъ цѣль—возможность созданія новой драмы. Первый изъ этихъ путей проложенъ Гуго фонъ Гофмансталемъ, второй—Франкомъ Ведекиндомъ.

Главная заслуга Гофманстала въ томъ, что онъ далъ драмѣ новый языкъ, создалъ новый драматическій стиль. Когда, въ началѣ 90-хъ годовъ, была признана, наконецъ, полная несостоятельность вымышленной Гольцемъ и Брамомъ натуралистической драмы, когда было понято, что натуралистическій стиль есть, собственно, отсутствіе всякаго стиля, тогда встала насущная задача—создать новый драматическій стиль, который былъ бы способенъ, съ одной стороны, вмѣстить всю сложность и утонченность переживаній современнаго человѣка, съ другой,—могъ бы стать основой новой драмы. Гофмансталъ достигъ первой цѣли. Онъ нашелъ форму языка, совершеннѣйшимъ образомъ приспособленную къ воплощенію всей сложности современной души, соткалъ новый праздничный нарядъ рѣчи, способный облечь всю нашу жизнь. Онъ создалъ новый пафосъ, могущій стать на смѣну господствовавшему до сихъ поръ въ Германіи шиллеровскому пафосу, столь мало приспособленному къ нашему времени. Но новой драмы Гофмансталъ все же не создалъ. Гофмансталъ рожденъ лирикомъ, и всѣ его драмы лиричны; въ сущности это даже не драмы, но разрозненные монологи или, въ лучшемъ случаѣ, расчлененныя баллады. Гофмансталю чужда настоящая сущность драмы, которая, по теоріи Фр. Геббеля, должна развиваться съ роковой необходимостью по геббелевской схемѣ взаимной смѣны тезиса, антитезиса и синтеза. Каждое существо, въ силу своей индивидуальности, должно вызвать себѣ противодѣйствіе, въ роковой борьбѣ съ которымъ оно уступаетъ мѣсто новой формѣ: это—„грѣхъ бытія“ и основной законъ драмы (по мысли Геббеля). Недостающее Гофмансталю въ высокой степени присуще Ведекинду. Все его творчество глубоко-драматично въ геббелевскомъ смыслѣ: въ немъ зародилось зерно спеціально драматической формы для будущаго нѣмецкаго театра. Но Ведекиндъ, по мнѣнію Ю. Баба, потерялъ свой вѣрный путь, обратившись въ творца трагическихъ эпиграммъ и разсудочно-патетическихъ гротесковъ. Въ его послѣднихъ созданіяхъ Баба не видитъ никакого значенія для развитія нѣмецкой драмы.

Въ дальнѣйшихъ очеркахъ Ю. Баба останавливается на творче-

ствѣ Фольмеллера, Штукена, Эуленберга, Гиннерка, Шмидтъ-Бонна, Эмиля Людвига, Вильгельма Шольца и др. На нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ возлагаетъ большія надежды, какъ на возможныхъ создателей будущей великой нѣмецкой драмы.

Викторъ Гофманъ.

Güstav Kühn. Richard Dehmel. „Die Dichtung“. Verlegt bei Schuster und Löffler. Berlin und Leipzig. M. 1 p. 50.

Подобно большинству монографій, вошедшихъ въ серію „Die Dichtung“, въ книгѣ г. Кюля больше громкихъ словъ, чѣмъ свѣдѣній и критическихъ замѣчаній. Читатель, судя по заглавію, можетъ надѣяться, что ему дадутъ очеркъ жизни Рихарда Демеля, объективную оцѣнку его произведеній и ихъ библиографію (по этому плану издаются, напр., г. Sansot очень полезные томики „Les Célébrités d'aujourd'hui“), а вмѣсто этого получаетъ риторичку и общія фразы. Гюставъ Кюль признается, что въ ранней юности творчество Демеля волновало его со сверхчеловѣческой силой; въ настоящее время г. Кюль относится къ своему кумиру болѣе критически, что не мѣшаетъ ему, однако, писать о Демелѣ: „Er befreite die menschliches Triebe zum Bewusstsein, das menschliches Bewusstsein zur Hingabe an den Trieb. Er überwand das Unwillkürliche, auch das Gewissen, das eben unwillkürlich ist“ и т. д. Наибольшее мѣсто въ книгѣ отведено характеристикѣ книги „Aber die Liebe“: г. Кюль считаетъ, что въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Демель только углублялъ и развивалъ свои первые вдохновенія. Въ томикѣ много иллюстрацій, но,—то же, какъ всегда, въ этой серіи,—далеко не все можно признать нужными и интересными: кромѣ двухъ портретовъ самого Демеля, помѣщены портреты его первой и второй жены, два портрета его отца и два портрета его матери, фотографія, гдѣ снятъ Демель съ матерью и со своими дѣтьми, и т. под.

—вѣ.

Das Lustwäldchen. Galante Gedichte aus der deutschen Barockzeit. Gesammelt und herausgegeben von Franz Blei. Hans v. Weber, Verlag. München. 1907.

Нѣмецкіе поэты XVII и начала XVIII вѣка пользуются самой дурной репутацией и считаются плоскими и фальшивыми подражателями современныхъ имъ французскихъ поэтовъ. Французъ Блей попытался, однако, собрать изъ ихъ произведеній небольшую антологию, въ которой не мало вещей дѣйствительно поэтическихъ и одушевленныхъ. Въ книгу вошли стихи Христіана Гофмансвальда (1618—1679 г.), Христіана Гюнтера (1695—1723 г.) и болѣе чѣмъ 20-ти другихъ, имена

которыхъ до сихъ поръ были хорошо извѣстны только специалистамъ.
Украшеніемъ книги служить прекрасная обложка К. Сомова.

Buchereinlauf.

A.

F. Dostoejewski. Politische Schriften. Mit einer Einleitung von
Dmitri Mereschkōwsky. Uebertr. v. E. Rahsin. R. Piper u. C. München.
1907.

Das Lustwäldchen. Galante Gedichte aus der deutscher Ba-
rockzeit. H. v. Weber. Verlag. München. 1907.

Alexander Eliasberg. Russische Lyrick der Gegenwart.
R. Piper u. C. München. 1907.

Igor Grabar. Zwei Jahrhunderte Russischer Kunst. Sonderab-
druck aus der Zeitschrift für bildende Kunst. Leipzig. 1906.

О Рильке.

„Das Litterarische Echo“ посвятило статью поэзи Райнера Марія Рильке. Авторъ статьи, прежде всего, останавливается на внѣшней формѣ стиховъ Рильке. По его мнѣнію, поэтъ сумѣлъ создать себѣ совсѣмъ особую, безусловно оригинальную форму. Всякій, кто прочелъ хотя бы нѣсколько стиховъ этого поэта, всегда узнаетъ каждое новое его стихотвореніе среди тысячи другихъ. Форма Рильке должна быть признана едва ли не наиболѣе утонченной изъ всѣхъ формъ, въ которыя когда-либо облекалось человѣческое слово. Всѣ средства, всѣ сложные тонкости и ухищренія стихотворной техники доступны Рильке въ такой степени, какъ, можетъ быть, ни одному поэту новаго и стараго времени. Стихотворное мастерство Рильке, поистинѣ, неисчерпаемо и безпредѣльно. Всѣ рѣшмы онъ заставляетъ звучать совершенно по-новому, сочетая и варьируя ихъ безконечно-разнообразными способами. Грамматическія рѣшмы, рѣшмы для глаза, внутреннія рѣшмы встрѣчаются у него непрерывно. Почти ни одинъ стихъ не обходится безъ аллитераціи или ассонанца. Enjambement употребляется имъ самымъ мастерскимъ образомъ. Размѣръ его отличается совершенно исключительною гибкостью и граціей. Весьма ярко выдѣляются всѣ особенности формы Рильке, если сравнить его творчество съ творчествомъ другого большого мастера стиля—Стефана Георге. Форма Георге похожа на чрезвычайно искусно вылѣпленную, безупречно красивую чашу, въ которую поэтъ собираетъ чувства, мысли и настроенія, рождающіяся въ его душѣ; форма Рильке—плащъ изъ мягкаго шелка, послушно облегающій и въ совершенствѣ подчеркивающій тѣ линіи, что онъ покрываетъ. У Георге первенствуетъ форма, у Рильке—содержаніе. У Георге стихъ—вещь въ себѣ, и размѣры его шествуютъ съ непоколебимою твердостью боевого отряда; размѣръ у Рильке—нѣчто чрезвычайно подвижное и измѣнчивое. Рильке съ особенною любовью употребляетъ *vers libre*: онъ стре-

мится сообщить каждой фразѣ, каждому стиху его особую, единственно ему присущую, музыку, уловить тѣ повышенія и пониженія рѣчи, изъ которыхъ Гербертъ Спенсеръ пытался вывести всю музыку. Часто пользуется Рильке и синкопами—внезапными перерывами размѣра, чѣмъ достигаетъ иногда особенно тонкаго впечатлѣнія; но главной характерной чертой его стиха все же остаются аллитераціи. Въ стихахъ Рильке осуществилось желаніе Верлена: „de la musique avant toute chose“. Всегда звучатъ эти стихи, всегда мелодичны; ни одинъ изъ нихъ не оскорбитъ уха жесткостью или грубостью.

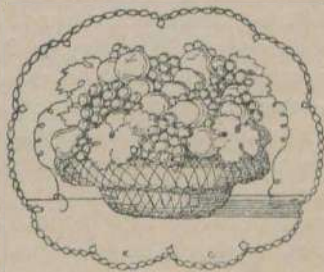
Вообще Рильке, прежде всего и всегда,—необычайно музыкальный поэтъ. Эта музыкальность выражается не только въ формѣ его стиховъ, но и въ характерѣ его фантазій. Рильке представляетъ изъ себя то, что современная психологія называетъ слуховымъ типомъ. Какъ существуютъ люди, которые все воспріятія и переживанія немедленно переводятъ въ наглядныя и картинныя формы и образы, такъ существуютъ и такіе, которые имѣютъ, главнымъ образомъ, слуховыя ассоціаціи. Къ такимъ болѣе рѣдкимъ типамъ принадлежитъ Рильке. Помимо того, что все его стихи совершенно исключительно музыкальны, большинство его образовъ и сравненій взяты также изъ міра звуковъ. Другой характерной чертой Рильке является его чрезвычайно повышенная восприимчивость и чувствительность, безконечное усложненіе и дифференціація нервной системы. Точно эолова арфа, звучитъ его нервная система при малѣйшемъ прикосновеніи жизни. Но, тѣмъ не менѣе, всему тому, что обыкновенно объединяется словомъ „жизнь“, искусство Рильке вполне чуждо. Было бы напрасно искать у него обычныхъ сюжетовъ лирической поэзіи. Никогда не воспѣваетъ онъ ни весны, ни фіалокъ, ни ландышей, ни даже любви въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Онъ гораздо болѣе любитъ ангеловъ, монаховъ и рыцарей,—тѣхъ рыцарей и монаховъ, что снились Беклину и Томъ. Не о свѣжемъ зеленомъ лѣсѣ, но о фонтанахъ, о тихихъ прудахъ и таинственныхъ аллеяхъ въ вечернемъ паркѣ говоритъ онъ. Въ его творчествѣ есть что-то напоминающее Шопена. У обоихъ—безконечная мягкость и нѣжность, у обоихъ—мечтательная вкрадчивость ритмовъ, и потомъ вдругъ—пышныя рыцарскіе мотивы.

Въ заключеніе авторъ говоритъ о послѣдней книгѣ Рильке „Stundenbuch“, гдѣ поэтъ ставитъ себѣ очень обширныя задачи. Эта книга псалмовъ можетъ быть названа пантеистическимъ молитвенникомъ. Поэтъ оживляетъ и обожествляетъ все окружающее, во всемъ видитъ Бога. Въ книгѣ есть рядъ безсмертныхъ стиховъ и много глубокихъ идей, неразрывно слитыхъ съ чарующей прелестью стила Рильке.

Апология логики.

Подъ такимъ заголовкомъ помѣщена въ „Neue Rundschau“ замѣтка о книгѣ Верхарна „La Multiple Splendeur“.

Верхарнъ давалъ намъ до сихъ поръ,—говоритъ авторъ,—мрачныя бездны души, какъ бы покрытыя чудовищной, пропитанной кровью и преступленіями фауной—родину безумія, мятежа и ужаса передъ самимъ собою. И только потому, что онъ умѣлъ глядѣть въ эти бездны, могла дойти до энтузіазма его страсть къ логикѣ, къ выразительности, къ слову, ко всему, что живить и движеть его могучіе ритмы. Платоновскія сказки объ обители блаженныхъ, сказки, говорящія намъ о лугахъ, испещренныхъ всеми цвѣтами радуги, о горахъ изъ яшмы и смарагда, о священнѣхъ храмахъ,—пріютахъ божества,—кажутся намъ теперь слишкомъ безмятежными и нѣсколько позитивными фантазіями. Подобныя грезы должны расцвѣтать надъ пропастью зла и мрака, должны быть вырваны у смерти, уже самымъ возникновеніемъ своимъ представляя чудо. Именно такое ощущеніе даютъ упомянутые стихи Верхарна. У Платона блаженные радуются предметамъ внѣшняго міра, краскамъ драгоценныхъ камней и блестящей поверхности моря. У Верхарна вещи обнажены отъ всякихъ поверхностей и покрововъ, все — только смѣшеніе тьмы и свѣта. Но въ своихъ стихахъ — онъ даетъ имъ новую внѣшность, которая вся—форма, выразительность, ритмъ, которая полна такой ослѣпительной лучезарности, что въ сравненіи съ нею все эллинское кажется темнымъ и тяжелымъ.

«В ъ С ы»

1907. ГОДЪ ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выходитъ 12 разъ въ годъ, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками около 100 страницъ; въ каждомъ № помѣщается отъ 1 до 4 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ (черныхъ и въ краскахъ), а въ текстѣ заставки и концовки.

Списокъ сотрудниковъ къ 1 октября 1907 г.

Общій отдѣлъ: Ю. Айхенвальдъ, С. Ауслендеръ, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Ю. Верховскій, М. Волошинъ, З. Гиппиусъ, С. Городецкій, В. Гофманъ, Н. Гумилевъ, Вяч. Ивановъ, А. Кондратьевъ, А. Куршинскій, М. Кузминъ, Д. Мережковский, Н. Минскій, Ст. Пшибшевскій, В. Розановъ, Б. Садовской, С. Соловьевъ, Э. Сологубъ, Евг. Тарасовъ, К. Чуковский, Эллисъ.

Библиографическій отдѣлъ: Авредій, В. Бакулинъ, И. Бороздинъ, С. Ещбоевъ, В. Калашъ, Антонъ Крайній, Н. Лернеръ, М. Ликиардопуло, Н. Петровская, П. Пильскій, В. Саводникъ, А. Яценко.

Отдѣлъ искусствъ: Лорансъ Биньонъ, Игорь Грабаръ, С. Кавалькоресси, Вс. Мейерхольдъ, С. Рафаловичъ, Альдо де-Ринальдисъ, А. Ростиславовъ, П. Щукинъ, П. Эттингеръ.

Французская литература: Ренэ Арко, Ренэ Гиль, Реми де-Гурмонъ, Жанъ де-Гурмонъ, Эсмеръ-Вальдоръ (А. Мерсеро).

Нѣмецкая литература: В. Гофманъ, А. Лютеръ, М. Шикъ, А. Элиасбергъ.

Англійская литература: Лордъ Альфредъ Дѣгласъ, В. Морфиль, С. Мэзонъ, Робертъ Россъ, А. Симонсъ, Моръ-Эди.

Итальянская литература: Дж. Амендола, Ф. Джолли, Дж. Папини, Энрико Р.

Скандинавская литература: Ю. Балтрушайтисъ, А. Иепсенъ, Дагни Кристенсенъ, С. Полаковъ.

Славянскія литературы: В. Маковский, П. Карасикъ, Г. Касперовичъ.

Греческая литература: М. Ликиардопуло, П. Нирванасъ.

Латышская литература: В. Эглитсъ.

За 1904—1907 г. въ „Вѣсахъ“ помѣстивъ свои рисунки художники—русскіе: А. Араповъ, Л. Бакстъ, В. Борисовъ-Мусатовъ (†), Д. Дриттенрейсъ, Павелъ Кузнецовъ, В. Милоти, Д. Митрохинъ, Н. Рерихъ, Н. Сапуновъ, А. Силинъ, К. Сомовъ, С. Судейкинъ, М. Шестеркинъ, А. Якимченко, Н. Теофилактовъ и др.

Иностранцы: К. Брунелески, В. Вавженецкій, К. Вальзеръ, Е. Инго, Ф. Кристофъ, Р. Костети, Е. Надельманъ, Шарль Лакостъ, Тео ванъ-Риссельбергъ, Од. Радонъ, Фидусъ.

Подписная цѣна на годъ: пять рублей съ доставкой; на полгода три рубля; за границу на годъ—семь рублей.

Всѣ подписчики „Вѣсовъ“ пользуются при выпискѣ изъ редакціи изданій к-ва „Скорпіонъ“—скидкой отъ 15 до 50%.

Подписка на „Вѣсы“ принимается: 1) въ Москвѣ, въ главной конторѣ журнала,—Театральная площадь, домъ Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпіонъ“; 2) въ С.-Петербургѣ, въ отдѣленіи конторы—Садовая, 18, книжный складъ „Коммисіонеръ“; 3) въ Кіевѣ—въ магазинѣ Л. Идзиковскаго, Крещатикъ, 29; 4) въ Берлинѣ—у Edm. Meyer Buchhandl., Berlin, W.; Potsdamerstrasse, 24 в.; 5) во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и провинціи.

НОВАЯ КНИГА

Russische Lyrik der Gegenwart

deutsch von

Alexander Eliasberg

Mit einer Einleitung und 4 Bildnissen. München 1907.

Выписывать можно черезъ контору журнала «Вѣсы». Цѣна 1 р.
Пересылка на счетъ заказчика.

Подписная цена на годъ съ доставкой 5 р., полгода 3 р.
Москва, Театральная площадь, домъ Метрополь, кв. 23.

2015595128

